

18+ Татьяна Никоненко

18+

Чёртова любовь,

или В топку классиков

Татьяна Никоненко

Чертова любовь, или В топку классиков

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66584310
ISBN 9785005547217*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Девятнадцатилетняя Ксюша отправляется в путешествие, но оказывается неготовой – ее тормозит громоздкий чемодан цвета чайной розы, наполненный предрассудками о любви, сексе, религии и дружбе. Студенческий обмен, Нидерланды и такие неудобные чувства к ортодоксальному арабу переворачивает принципы Ксюши вверх дном. Ксюше предстоит выяснить, что же такое настоящая любовь, на что ради нее можно пойти и причем тут секс. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Первая часть	5
Оазис Уакачино, Перу, февраль, 2013	5
Москва, сентябрь, 2010	9
Санкт-Петербург, июль, 2010	15
Москва, сентябрь, 2010	35
Москва, октябрь, 2010	38
Нидерланды, январь, 2011	55
Энсхеде, февраль, 2011	96
Энсхеде, март, 2011	127
Париж, март, 2011	134
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Чертова любовь, или В топку классиков

Татьяна Никоненко

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Варвара Фомина

© Татьяна Никоненко, 2021

© Варвара Фомина, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-4721-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая часть

Оазис Уакачино, Перу, февраль, 2013

Упали и валяемся на односпальной кровати, рассматриваем сегодняшние фотографии, три головы касаются друг друга, Флер между нами. В комнате хостела душно, по обшарпанным стенам волнами пробегает зеленоватая подсветка бассейна.

– Гайз¹, вы посмотрите на этого красавчика водителя, я только на фотке заметила. Я бы с ним затусила, а вы? – Флер приближает на фотографии моей мыльницы мускул левой руки нашего водителя. – Кстати, Тибо, как ты вообще переживешь шесть месяцев без секса? Или не планируешь ждать? – Флер выдыхает на нас конопляный дым и хитро улыбается.

– Флер, пута-а-а², мне только не хватало еще с вами о сексе заговорить. – Тибо говорит «пута» без души, не то что Флер, вяло. Я смотрю на него – безынициативный, скромный, тихий Тибо, вот у него девушка еще есть во Франции, ждет его, почему я вечно западаю на таких? В нем же нет

¹ Guys (англ.) – ребята.

² Putain (фр.) – блядь.

ничего интересного...

– Ахах, Тибо, ну серьезно, ты уже пробовал жить без секса полгода?! А попадется тебе жгучая перуанка, что тогда? – Темные глаза Флер поблескивают, она радуется своей провокации. – Я вот без секса ну... максимум две недели прожить могу.

В комнате жарко, но мы все равно не отодвигаемся друг от друга; из окна видны звезды, мне жаль, что абсолютную, магическую ночь в оазисе разрушает подсветка бассейна и эти вопросы Флер.

– Душка, а ты чего молчишь? Ты вот сколько готова без секса существовать? – Флер почувала еще одну жертву.

Душку во мне она заподозрила удивительно быстро, когда я несколько раз слишком мягко позвала ее нежно *Флеро*, один раз покраснела и миллион раз улыбнулась всем подряд. Я уже и не помню, как она вытянула из меня эти слова на русском, из которых выбрала «душку».

– Как по мне, так можно и жить без него, главное – знать зачем, слишком много шума вокруг секса. – Голос мой звучит откуда-то из угла комнаты, не из меня, я пытаюсь растягивать слова, чтобы получилось безразлично. Хорошо, что кровь на щеках не фосфорная, а то бы я залила всю комнату красным.

– Душка? – Флер приподнимается на локтях, смотрит на меня, по ее лицу пробегают блики от бассейна. – Ты что... девственница? Пута madre!³ – выкрикивает она и тут же плюхается обратно на кровать так, что наши головы стукаются друг о друга, я чувствую ее афро-итальянские кудряшки, она сотрясается от смеха.

– Ты чего так кричишь, Флер? Спят же все, – пытаюсь скрыть свое недовольство я. Никогда не любила подружек, которые вот так могут треснуть по голове своей фразой, а потом беспрепятственно сотрясаться от смеха. Где понимание? Где моя Олеся?

– Реально, девственница?! – Воздух выходит из нее, как из надувного шарика, она снова поднимается и ударяет по плечу Тибо.

А ведь так хорошо лежали... В голове пульсирует, щеки горят.

– Это долгая история. – Я выключаю свою мыльницу, мне не нужно дополнительного света на лицо.

– Да ладно, душка, ты чего? Новость – огонь, как такое возможно вообще в современном мире? – Флер садится на кровать, даже в темноте я вижу блеск в ее черных глазах.

Я ненавижу и обожаю Флер за эту ее спонтанность, нена-

³ Puta madre (исп.) – твою мать.

вижу и обожаю за эту проницательность, она могла бы стать отличной журналисткой, но она занята одеждой на себе и других. Она создает модели, думает о каждой детали в костюме, чтобы потом разбросать свои любимые вещи по полу грязной комнаты, усесться на них, затянувшись травкой, вытягивать по одной и примерять на своих гостей. Вот и сейчас она уже сшила в голове мой костюм девственницы, примеряет его на меня невидимыми руками и умиляется. Именно умиляется, как будто у меня молочный зуб выпал.

– Душка, расскажи. Рассказывай все, как это с тобой приключилось! – продолжает она, в руках у нее уже складывается платье настоящей душки.

Приключилось. Другие сказали бы, наоборот, не приключилось в двадцать лет.

Но у меня-то и вправду приключилось.

Москва, сентябрь, 2010

Кто же знал, что так скоро и в таких масштабах после этого разговора мне будет предоставлено столько возможностей для ее потери, иногда даже против моей воли. Ну, все по порядку, начну с комнаты 1701 и с девятнадцати лет.

Из моего семнадцатизэтажного окна видно Выхинский рынок, железную дорогу, МКАД, жилые дома. Но лучше всего с моего семнадцатого этажа видно закаты. Они здесь чаще всего розовые – такие закаты дарят нашим желтым старческим обоям надежду.

Я ловлю солнце на своем втором этаже нашей двухъярусной кровати до последнего блика на моем фланелевом носке с сердечками. Солнце померкло, стало слишком темно, придется стягивать носки, чтобы спуститься вниз, они у меня для спанья.

Я спрыгиваю неуклюже с верхней железной ступеньки, пропуская нижнюю, чтобы не наступить на покрывало соседки. Ей такое не понравится.

От моего прыжка кровать лениво поскрипывает, в комнате тихо, из коридора тянет пельменями, интересно, не позовет ли меня Олеся на ужин – гречка с солеными огурцами ее бабушки.

Под кроватью нахожу свои тапки и случайно пинаю пазл, который я по дурости подарила соседке на ее первый день

рождения, а она даже не пыталась притворяться, что ей интересно его собирать.

Обхожу холодильник и мусорное ведро – опять заполнилось, чья очередь выносить? И толкаю наконец-то выключатель, выключатель в моем случае.

Зажигается свет, обои снова теряют надежду и снова уходят в тускло-желтую депрессию. Меня радует только мой уголок – подарок папы и его коллеги-плотника. Плотника-мечтателя, потому что все элементы он сделал без ручек, чтобы я училась открывать ящики силой знаний, полученных в московском универе.

У меня есть свой шкаф для одежды, рабочий стол, полки для книг над столом и шкаф для кастрюлек и продуктов. Шкафы узкие и высокие. Когда не так сильно пахнет пельменями в коридоре, можно почувствовать запах дерева.

За счет этого уголка я официально объявила свою сепарацию от соседок-старшекурсниц и больше не дарю подарки им на день рождения – может, только торт иногда. Сепарация проходила восторженно-трагически, особенно когда я доставала свои вещи с нижней полки общего старого фанерного шкафа, провозглашая конец унижений: вещи оттуда все время вываливались на пол, их то прижимали дверьми, то подталкивали ногой обратно. Ногой в тапке, а не в носках с сердечками.

Для окончательного провозглашения независимости я наклеила над столом постер с океаном и солнцем над ним.

Мой уголок должен был стать самым депрессивным и темным в нашей вытянутой, как дыня, комнате, а стал моей собственной комнатой, комнатой в комнате. Если не поворачивать головы, то я могу даже забыть, что живу рядом с двумя пятикурсницами, которые в первый мой день здесь поставили мне стул со сломанной ножкой.

* * *

Отношения с соседками за два года совместной жизни эволюционировали, сепарация дает свои благотворные плоды. Я знаю, что друзьями нам никогда не стать, они перешептываются за моей спиной и, думаю, завидуют, особенно это заметно, когда ко мне заходят мальчишки, к ним ведь почти никто не заходит. Об их мальчиках я слышу только из рассказов, цветов не вижу. Из всех ваза есть только у меня, я бы с радостью ей поделилась, но необходимости не возникает.

Пришла Олеся, она мягко стучится и тут же открывает дверь со своим теплым и круглым «привет». Олеся соседкам нравится больше, она мягче или скрывает лучше.

У Олеси зеленовато-серые глаза, брови домиком, отчего она становится еще милее, когда улыбается. Она смешно охает и вздыхает, и я повторяю за ней. Она умна и серьезно настроена на учебу, у нее какие-то очень взрослые идеи о финансах и инвестициях, я их не понимаю, но уважаю ее еще больше за это. Она красива, но красива и я, мы с ней

равны. Именно это меня так вдохновляет.

Мы начинаем обсуждать наш проект на завтра, я подшучиваю над ней, потому что она снова полна идей, которые борются и вытесняют друг друга одна за другой из ее головы. Идеи эти проскальзывают в мою голову, озираются минутку, а потом, успокоившись, заваривают чай и устраиваются на диванчике. Они уже привыкли, что я их почти никогда не прогоняю, вот и здесь мы просто добавляем на них новые, чаепитие расширяется.

Трудно представить, что этот теплый человек с оливковой кожей, рыжеватыми волнистыми и пушистыми волосами такой деятельный. В первые недели сентября, когда большинство из нас робко озиралось по сторонам, пытаюсь найти друзей, понять правила новой игры в этой новой увеличившейся школе, Олеся шла из кабинета в кабинет, писала какие-то заявления на материальную помощь, легко отвечала на вопросы о списках документов, уезжала в какой-то магазин в центре Москвы, чтобы купить руку своему папе, который приехал в командировку.

Меня ее стойкость и бесстрашие просто поражали, я была в Москве не раз, будучи еще школьницей, а она, новенькая, приехавшая с Урала, втянула ноздрями эту Москву и не боялась.

В общении она была такой же деятельной, знала, откуда выбить себе дополнительную мебель, умела готовить, составляла финансовые планы и собиралась разбогатеть, что-

бы иметь отдельный шкаф, забитый туфлями.

Я захотела стать похожей, захотела почерпнуть у нее, занять немножко этой стойкости и самостоятельности, оставаясь при этом такой женственной.

И вот. Здесь она. После двух лет дружбы. Пришла с идеей.

* * *

– Ксюша, я все разузнала, нам нужно срочно подать заявление на семестр по обмену за рубежом! У нас есть две недели, чтобы все собрать и подать документы, а потом еще собеседование, мы обязаны успеть! – Олеся сказала мне все это, не дойдя даже от мусорки до кровати, повернувшись и размахивая руками то в сторону Выхинского рынка, то в сторону кухни с пельменями.

– Чего? Ты с ума сошла? – Я тоже встала и прикрыла за ней дверь, не хватало еще, чтобы кто-то услышал про наши планы. Это, конечно, тебе не контракт вора с гномами, но тоже уши могут быть заинтересованные. – Я же даже не говорю нормально на английском! – Я привалилась к двери плечом, чтобы плотно ее закрыть; и почему я так и не выучила его за пять лет обучения в инязе?

– Ксю! Это дело десятое, запишемся на курсы. Сейчас все документы на весну, а за осень успеем подучить! Давай, надо посмотреть лист документов, написать мотивационное, придумать его еще, страну выбрать, с родителями договориться.

Время терять нельзя! – Она перестала размахивать руками, остановилась прямо под лампой, стало так жарко, что мне захотелось убавить света.

Я не убавила света в комнате – идея Олеси была и моей мечтой тоже. А вдруг наконец-то, наконец-то нам удастся найти настоящих друзей? Любовь?! Так это я еще смогу в Париж съездить, к Ноэлю! В Париж!

Санкт-Петербург, июль, 2010

Чтобы рассказать про Ноэля, совершу прыжок на несколько месяцев назад.

Закончился второй курс университета, вступила в свои права тягучая летняя жара. Я возвращаюсь в Подмоскowie, Олеся – на Урал, в общежитии оставаться на лето запрещалось. Лето без Олеси и без наших общих поездок проходит для меня до того скучно, что я не могу вспомнить и дня в июле.

Наверное, я была занята прогулками в лесу со своей собакой, общением с братом и встречами с некоторыми друзьями. Приключения случались со мной редко, никаких тебе писем из Хогвартса или волшебников в сером, никто не говорил мне, что я расцвела и являю собой наиболее прекрасную версию себя. Никто и не говорил, что дальше только застой и увядание, но это я уже узнала, спасибо Тургеневу и Бунину.

Поймал ли мои упреки Тургенев, но моему папе спустили идею поехать в Санкт-Петербург всей семьей. На выходные всего лишь, но долгие выходные. Шанс на приключения увеличивался.

Я никогда там не была, как и мама с папой. Брат уже ездил туда в гости к нашей сестре и обещал показать нам все, провести экскурсии.

«Будет что рассказать Олесе», – думалось мне.

Я тщательно подбирала гардероб: нам предстояло четыре дня, но каких! В парках, дворцах, площадях, дух декабристов, цариц, писателей.

В мой чемодан стратегически были упакованы следующие вещи: голубое платье из легкой ткани – на случай романтических свиданий, внезапных встреч с принцами, с платьем было оговорено, что оно будет развеиваться на ветру под правильным углом и в подходящие моменты; белая юбка с клетчатой красной рубашкой – стиль кежуал, наряд, показывающий, что я не из тех дурочек, что рядятся по поводу и без повода, однако имею чувство стиля; розовый сарафан – если дойдет до влюбленности, если не дойдет, сарафан пригоден для прогулки в царских парках, дабы почтить; синие бриджи и белая ветровка – для холодов, уже если в Питере и правда так холодно, то их должно хватить, не джинсы же в такую жару везти.

Модные белые балетки были взяты для дневного паломничества, а белые новенькие босоножки на каблук – для ситуаций с голубым платьем и розовым сарафаном.

В чемодан был также бережно упакован клатч – моя гордость и моя находка, я купила его очень недорого в сомнительном магазине, но выглядел он, по моему мнению, выше всяких похвал и всяких «Гуччи». Клатч был белый и гладкий, похожий на приплюснутое яйцо, чтобы романтичнее – на «Теслу», если бы она существовала среди су-

мок. В клатч можно было положить только телефон, кошелек, ключи и платочки, но к сарафану и голубому – эх, было бы, куда их применить.

Почти весь этот гардероб был куплен моей сестрой, которая к этому времени прекрасно зарабатывала и однажды решила одеть меня в дорогом магазине. Эти вещи я ценила больше всего, надевала редко и по особенным случаям, потому что в остальное время, чтобы сэкономить, я одевалась в магазинах-дискаунтерах, долго перебирая стоки.

Не знаю, чего я ждала от этой поездки, ведь я ехала с братом, мамой и папой, а не с подружками. Но почему-то в груди елозило смутное ожидание чего-то, как будто Санкт-Петербург готовил мне сюрприз.

* * *

Мы гуляем по саду Екатерининского дворца, щеки у всех покраснели, тенек не спасает от жары, мозг способен думать только о мороженом и вечернем отдыхе, как вдруг, после очередной вибрации телефона, мой брат объявляет:

– Ксюша, сегодня вечером пойдем с французами встречаться, – обыденно так, как будто мы в Версале, а не в Екатерининском. Небольшая улыбка – единственное, что выдает какой-то энтузиазм.

– С какими французами? Ты о чем вообще? – с придыханием, сердце готово пуститься в пляс, ведь я же знала, что

будет сюрприз, чувствовала!

– С какими, с какими, с французами из Парижа, я же рассказывал, я подружился с ребятами из студенческого совета во время своей стажировки в феврале. Которые меня еще «йес-мэном» прозвали.

Да, конечно, я помню, что он побывал в самом Париже. И фотографии все помню, рассматривала их очень пристально. Да даже французов, кажется, всех помню.

– И что? Я все равно не понимаю: они здесь, что ли? А когда ты с ними договорился? – Ура, мы встречаемся с французами, но прежде, чем радоваться, нужно все разузнать.

– Ксюша, да, они на практике. Я им написал, вот сейчас мне Ноэль ответил, что могут встретиться сегодня вечером, я написал, что у Казанского встретимся в 19:00. Пап, пойдет? – Брат явно раздражен моими вопросами, но я вообще-то не виновата, из него как из партизана. А мне же надо.

Екатерининский дворец, конечно, прекрасен, но пора бы и домой возвращаться, ведь мне нужно подготовиться к встрече со сверхлюдьми – французами.

Я вспоминаю фотографии и пытаюсь угадать, кто из французов будет. Даже мой брат не знает точно, кто именно придет. Я не помню ни одного имени теперь уже, кроме Ноэля. Какое интересное.

Пока мы едем домой, я вспоминаю какие-то фразы на английском – на языке крутится дурацкая «Ремебер Раша юар-грейт»⁴ и еще там про Вилли и погоду. Не покорить их английским, так хоть попробую удивить одежкой. Пожалуй, то самое голубое – для внезапных судьбоносных встреч. Решили.

– Расскажи мне еще раз про них, кто придет, как вы познакомились? – подрагивающим голосом снова повторяю я свои вопросы. Мы договорились о встрече у Казанского собора и пришли с братом заранее.

Я не знаю, какие они, эти французы. Я все время поправляю свое голубое платье с широким поясом. Пояс соскальзывает, а я поджимаю губы; пряжка от пояса отвалилась в самый неподходящий момент, но я перевязала его узлом, ведь платье же для встреч. Пояс теперь постоянно скользит вниз, а я подхватываю его и перетягиваю себя еще туже, чтобы держался. Какой ужас, надо было надеть рубашку и юбку – кежуал-стиль.

И вот мы видим двух парней и девушку, идущих к нам. Один парень смахивает рукой в сторону свои рыжеватые волосы, а они снова падают ему на очки. Другой переминает какую-то туристическую листовку в руках, у него кудрявые волосы и большие голубые глаза. Посередине шагает девочка с короткими волосами, тонкая, с тяжелыми и внимательны-

⁴ Remember Russia you are great (англ.) – поговорка для отработки звука «г». «Помни, Россия, ты велика».

ми глазами. У всех троих руки в тряпичных браслетах с фестивалей, все трое в широких джинсовых шортах до колен и в свободных футболках зеленого, белого и желтого цвета. Мой брат поднимает руку и машет им. Это и есть французы – без шпаги и арамисовских усов?

– Привет, привет! Сколько лет, сколько зим! – начинает тот, что волосы в сторону смахивал. Я теряюсь: если бы не слышен был его легкий акцент, я уже решила бы, что и нет никаких французов. Но французы передо мной, все невысокие, слепящие своей французской невыразительностью одежды и стиля.

– Привет, Ноэль. Я так рад, – бросает мой брат, пожимая руку и одновременно приобнимая парня, у которого больше всего браслетов на руке. Я смотрю на них, они все разноцветные, на одном написано «Будапешт», на втором – рок-фестиваль, но продолжения я не вижу, какой фестиваль скрывается с другой стороны кисти. – Привет, Симон!

– А это Лиза, – представляет все так же лучезарно и уверенно рыжий.

– А это Ксюша, моя сестра, – завершает мой брат.

– Привет! Приятно познакомиться, – улыбаюсь я и пожимаю всем руки, мне нравится этот жест, раньше руки мальчикам я не пожимала, да и девочкам тоже. Брат улыбается, французы тоже. Но стоять так неловко, и я выпаливаю: – Куда пойдем? Какие у вас планы? – Я тараторю, не давая никому ответить. – У меня столько к вам вопросов! – Они гово-

рят по-русски, а значит, я могу немножко расслабиться.

– Можно в кафе с пышками, помнишь, Ксюша, мы там сидели вчера? – Брат чувствует себя принимающей стороной, ведь мы же русские, значит, дома.

– Точно, там очень вкусные ватрушки! Вы знаете, что такое ватрушки? Вы их уже пробовали? – Я снова берусь за дело, нужно обязательно выяснить, что французы думают про наши ватрушки.

– Ватрушки – это как пирожки? – Улыбается мне Ноэль, остальные тоже улыбаются.

– Ну нет же, ватрушки – это совсем другое, хотя немного как пирожки, но там дырка в середине, и они с творогом! – Господи, замолчу ли я наконец-то, ну хоть в ватрушках-то я знаю толк.

– Что такое творог? – спрашивает меня Лиза. Я тщетно пытаюсь объяснить, по-английски я такого слова не знаю.

– Это почти как *fromage blanc*, *cottage cheese*, – произносит непонятное что-то Ноэль. Точно, какой-то там коттадж чиз, я же когда-то переводила.

Тем временем мы заходим в маленькую пекарню-кафе, здесь светло и уютно, а главное – недорого. Я уже собираюсь показывать хваленые ватрушки, как вижу недоумение ребят, они озираются по сторонам и перебрасываются между собой несколькими короткими словами.

– Тут нет пива? – спрашивает Ноэль моего брата. Брат смущается, мы вообще-то не знали, что идем пить пиво,

с братом, мы даже и не подумали, куда вести наших гостей. Не для того, как говорится, платье мое голубое развевается, но и не для ватрушек, безусловно.

Не дождавшись ответа, Ноэль сомневающимся тоном произносит:

– Я знаю один бар. – Я внимательно смотрю на него. Даже бы и не подумала, что он лидер. Такое простое лицо, немного угловатое, длинные волосы и длинный красивый нос – вот они, черты француза! Мне нравится, что он продолжает улыбаться, он абсолютно не хочет нас смущать, но и оставаться без пива не планирует. – Помнишь, Симон, мы там недавно сидели?

– Да, рядом с Гостиным двором? – Симон не смотрит мне в глаза, смотрит в сторону и на Ноэля.

– Пойдемте!

Мы начинаем двигаться по направлению к Гостиному двору. Питер, как всегда, полон людей, Невский не дает нам идти всем вместе, мы постоянно разделяемся потоками проходящих местных и визитеров. Я лихорадочно выдумываю вопросы, потому что я снова оказалась в окружении инженеров-молчунов, мой гуманитарий не должен упасть в грязь лицом.

Мы сворачиваем с Невского, и я перехожу в наступление.

– Почему вы выбрали Россию для практики? – сразу к главному, я задаю вопрос четко и громко, выжидающе смотрю.

– Ам... мы выбрали русский язык как дополнительный, поэтому поехали сюда, чтобы говорить и учить больше. – Ноэль отдувается за всех, остальные лишь смотрят на меня то ли растерянно, то ли удивленно.

– А почему вы решили учить русский тогда? – не отстаю я, мне нужна причина, я хочу дифирамбы, или я просто боюсь тишины.

– Русский язык – нетрудный, – говорит Ноэль нонсенс и начинает смеяться. Смех сначала подхватывают французы, а потом и мы.

Нетрудный так нетрудный.

– А что вы здесь делаете, что за практика? – В первый раз вижу, что Ноэль немного смутился, к нему на помощь приходит Лиза.

– Мы работаем в усадьбе, собираем сорняки, – говорит она с вызовом.

– Ой, как классно, ничего себе, а я думала, у вас занятия в школе, да еще и такое слово знаете! – Сорняки полоть, вот блин. Мне почему-то становится даже обидно за них: как так – французы и сорняки?

– Ну у нас не очень много работы, а в свободное время мы путешествуем, – говорит Ноэль, снова вступая в диалог. Они почти не задают мне вопросов, бомбардирую их я. Вопросы заканчиваются – я перезаряжаю и снова иду в атаку, с другой темой.

– А в чем основные отличия наших культур? Русской

и французской? А в чем они больше всего похожи?

Французы не должны вдруг засомневаться, что с ними недостаточно умные собеседники, уж я-то знаю, как вести великосветские толки.

– Что значит «по роже»? Я не совсем понял. – Ноэль, как всегда, улыбается и даже не стесняется сказать, что не знает чего-то, – удивительный тип.

Я начинаю смеяться:

– По роже? Нет, я такого не говорила, это П-О-Х-О-Ж-Е.

Я вдруг останавливаюсь и смотрю на него: не обидела ли я его смехом? Но он невозмутим. Все так же улыбается.

– По роже – это другое, это если ты дерешься с кем-нибудь, то можно получить по роже – это грубо «по лицу» значит, – объясняю я.

– Дерешься? – задает вопрос Симон.

Теперь уже я падаю в свою ловушку – приходится показать, что я знаю английский только на уровне перевода отдельных слов, я не могу связать слова в фразу.

Я ранена и убита своим собственным кульбитом, на неопределенное время я умолкаю и не задаю больше вопросов. Мы пришли в бар, а значит, разговоры только должны начаться.

* * *

В баре оказалось темно и неудобно, мы сели за липкий

стол. Парни пошли заказывать пиво, уходя, брат шепнул мне, что именно в таких барах они и сидели постоянно в Париже. Я удивилась: а как же парижский вкус и стиль? Те самые парижские кафешки, которые изображены были на обложках книг, блокнотов и тетрадей? Я тогда еще не знала, что европейцы любят бары не за их уютность.

Говорили мы в основном на русском, иногда я добавляла что-то на английском, но всего лишь несколько слов. Мне было стыдно, что я так плохо знаю английский, а ребята, наоборот, радовались возможности поговорить на русском с новыми людьми.

Я продолжала задавать столько вопросов, как будто я только что прибыла на остров и то ли я из племени аборигенов, то ли они. Вопросы были сложные, больше подходили для профессора по этнографии, но я считала ниже своего достоинства задавать простые.

Настал черед прощаться, было невыносимо грустно, что нашей этой встрече, этому новому миру может прийти конец. У меня было ощущение, что я встретила только-только волшебных эльфов, но уже должна с ними проститься, так и не узнав секрета, входа в этот их сказочный мир.

Я решилась и спросила, что они делают завтра.

Мы договорились встретиться, чтобы показать ребятам парад ВМФ.

Я пообещала себе после поездки пойти на курсы английского в Москве и заговорить.

Встреча на следующий день состоялась у Исаакиевского. Пришел черед розового сарафана. Почему-то идея выглядеть попроще, как они, не пришла мне в голову совсем.

Мои волосы не хотели слушаться, поэтому я закрепила их ободком и стала похожа на девушку из 20-х, единственный компромисс в моем одеянии – балетки: ходить придется много, а босоножки, от которых я еще и слишком высокая была, натерли вчера.

Я шла и вспоминала наши разговоры, в основном с Ноэлем. Я уже придумала новые вопросы к нему, поэтому сильно удивилась, встретив помимо Ноэля еще человек семь. Кроме русской пары, в семье которых жили Ноэль и Симон, все остальные были французами.

Взгляд мой привлек высокий худой парень с небольшой сединой на черных волосах. Седина эта была тем интереснее, что парень был молодой, а она серебрилась прямо по центру его зализанных назад волос. Он был похож на героя из мультфильма «Рататуй». Он мне понравился – может, сарафан для него?

– Привет! А ты тоже с ребятами работаешь в усадьбе? – спросила я после знакомства со всеми.

– Привет! Да, мы работаем с сорняками!

В который раз эти сорняки. Они ими прямо гордились.

Молчание.

– И как тебе в России, нравится? – я не сдаюсь.

– Да, очень нравится, очень интересно и весело, – он отвечает мне, как будто он на уроке, неужели совершенно ничего не интересно про меня?

– А я сестра Вити, вы же с ним тоже в Париже познакомились? – еще одна попытка.

– А, да, Виктор! Да, да, в Париже. – Кто-то окликнул его, он отвернулся. – Извини, что ты говорила?

– Ничего, ты уже ответил.

М-дам, сарафан явно не для него.

* * *

Я попробовала пообщаться еще с другими ребятами, но самым обаятельным и дружелюбным по-прежнему оставался Ноэль. Так получалось, что я почти всегда шла рядом с ним. Продолжала задавать вопросы, он пытался со мной шутить. Мне даже показалось, что сегодня он чувствовал себя более уверенным, он больше спрашивал.

Перейдя на другую сторону Невы и подойдя к памятнику книге с «Медным всадником», я совсем расхрабрилась и начала громко зачитывать отрывок из него. С выражением.

На меня все пристально смотрели, но я смотрела в основном на Ноэля, и это его мягкое внимание, поддержка придавали мне сил, я чувствовала себя увереннее, чем прежде.

А может, сарафан для него?

А между тем мы что-то напутали в день парада или что-то напутали организаторы, но кораблей так и не появилось. Чтобы скоротать время, мы играли в «кродила».

Мне было абсолютно не важно, приплывут ли корабли, потому что во время игры мы постоянно переглядывались с Ноэлем, и я уже точно начинала понимать, что сарафан не зря.

Единственное, чего я уже боялась, что корабли приплывут и все закончится. Но все закончилось и без кораблей.

* * *

– Ладно, – первым делом заговорила маленькая полненькая женщина – хозяйка квартиры, в которой жил Ноэль, – похоже, уже ничего сегодня не будет. Мы проголодались, пойдемте домой, будем делать крошку.

Все оборвалось у меня внутри: завтра мы уже уезжаем, а сегодня они уходят.

– Пойдете с нами? – как будто почувствовал мое расстройство Ноэль. – Вам нравится крошка? Мы будем в первый раз ее пробовать сегодня!

Неужели он тоже не хотел, чтобы все заканчивалось?

– Очень нравится, – загорелись мои глаза, ура, день не кончается, и, может, еще что-то изменится, может, будет за что зацепиться, если встреча оборвется не сейчас?

– Нет, большое спасибо, – отвечает бесстрастно брат, даже не спросив меня!

Хоть посмотри на меня, ей-богу, что за бесчеловечность?

– Нас родители ждут, мы пойдем еще на концерт с ними, а потом домой.

Все разрушил, нет, ты посмотри какой, даже и не взглянул на свою сестренку. Брат называется.

– О, а мы тоже после окрошки придем смотреть концерт, тогда можем еще раз увидаться! – Ноэль тоже не сдается, мое сердце бьется в надежде.

– Да, будет здорово! Вам сейчас куда? – Брат спокоен, он выполнил план, ему нравится быть с друзьями и знакомыми из Франции, но дела есть дела, обещания есть обещания.

Какой же балбес, зла на него не хватает!

– Нам ближе к Гостиному двору опять. – Ноэль, кажется, немного расстроился, что не пойдем мы на окрошку.

Брат был прав, мы и так уже проторчали полдня без родителей, а ведь приехали все вместе и смотреть Питер собирались вместе.

«Они поймут, они же такие добрые у нас», – думалось мне, но брат был всегда более ответственным.

* * *

Пока мы переходим мост, я раздумываю, что же делать, как же спросить про ключ, про таинственный этот лес, как

туда попасть? С необычной для меня бойкостью, бойкостью отчаяния, я выпаливаю вдруг:

– Вы еще Москву не посмотрели, приезжайте к нам, Москву нужно посмотреть, как и Питер, чтобы понять Россию!

Я гений, не нужно было расставаться сейчас, даже если сегодня больше не получится встретиться! Каков план, ай да я молодец.

– Что думаешь?

– О! Спасибо большое за предложение! – Ноэль тоже обрадовался, неужели мы и правда были на одной волне? – Но нам нужно посмотреть билеты, если будут недорогие...

Это что же, попытка к бегству?

Я окликнула брата:

– Я пригласила Ноэля с Симоном в гости, они обязательно должны приехать, правда? – Я специально подчеркнула Симона, ведь приглашать одного Ноэля было бы странно, а Симон шел неподалеку.

Брат хмурился сначала (ага, не нравится тебе, когда не советуются), но спохватился и улыбнулся:

– Конечно, мы будем рады!

Ничего мой брат не понимает в иностранцах. Как же с ними интересно, особенно с этим, с Ноэлем.

На концерте мы не нашлись, но через несколько дней Ноэль прислал сообщение моему брату, в котором сообщались даты приезда. Всего лишь на выходные, но какие это должны были быть выходные!

Я готовилась к визиту, как к международному саммиту: изучила историю Москвы, построила план посещений, подготовила экскурсии. Я была готова к приему.

Они приехали рано утром, мы встретили их на Комсомольском вокзале. Мы возили и водили их по Москве, фотографировались, кормили пиццей, сделанной моей мамой, а потом купали в бассейне и бане.

Мы наслаждались обществом друг друга, я уже не стеснялась своей роли гида, болтала без умолку, рассказывала интересные истории, а они задавали мне кучу вопросов, потому что не понимали моих замысловатых слов на русском.

Все чаще мы становились на фотографиях близко друг к другу, все чаще Ноэль меня приобнимал, наверное, если бы у нас было чуть больше времени и чуть больше уверенности, мог бы даже случиться поцелуй – может, и не французский, но и такому бы я была рада.

В субботу вечером, когда все уже разошлись по комнатам, я вышла как будто проверить, не освободился ли душ, но на самом деле я искала хоть какого-то продолжения. Мне было грустно, что завтра с Ноэлем будет только полдня, а потом пустота.

Симон еще мылся, а Ноэль терпеливо ждал на диване в гостиной. Эта комната была одной из моих любимых в роди-

тельском доме. Там стоял зеленый диван, стены покрывали мятные обои, которые издавна походили на ткань, над диваном висела картина с двумя тиграми в прериях, а напротив нее на шкафу стояла картина с мостом Сан-Франциско. Мне нравилось смотреть на эту картину и представлять, что я туда отправлюсь когда-нибудь.

При виде меня Ноэль поднялся.

– Ты еще не был в душе? – как будто мне было это важно.

– Нет, но ничего страшного, можешь ты потом идти, я подожду, – сказал вежливо Ноэль – какой же он джентльмен!

– Что ты тут смотрел? – пытаюсь вывести его на разговор: ну же, я же тут, все уже улеглись, друг в душе, а я рядом.

– Книжки, у вас так много книг, – улыбается Ноэль, ему, кажется, неловко.

– Да, а вот смотри, есть книга про Россию! Только она тяжелая, лучше с ней сесть. – Я вытягиваю книгу размера А3, гляцевую, тяжелую, – подарочная про красоты России.

Он садится рядом. Одна часть книги лежит на моих коленях, другая – на его. Мы никогда не сидели так близко, и мне жаль этих утраченных моментов.

Мое колено едва касается его, я перелистываю страницы и говорю ему с жаром:

– Обязательно нужно сюда съездить! – тыкаю пальцем в горы Алтая. – И сюда, – показываю на Байкал. – Ну и здесь, конечно, тоже нужно обязательно побывать. – Перед нами медведи Камчатки.

Он смотрит в книгу и вдруг говорит:

– Да, обязательно нужно поехать... – Делает паузу, выдыхает и решается: – Вместе.

Дверь отворяется, Симон выходит из душа, Ноэль сразу отстраняется, момент упущен, но он все-таки сказал «вместе».

Я засыпаю с улыбкой на лице.

* * *

Следующий день промелькнул как бабочка, и вот уже Канзанский вокзал.

– Как жаль, что все так быстро закончилось, – озвучивает мою мысль Ноэль.

Ребята благодарят нас и приглашают с ответным визитом.

А мне так горько, что ничего нельзя сделать, что надо ехать домой, а иначе будет поздно совсем. Что сказка закрывается, что эти эльфы все-таки уезжают, и не куда-то, а во Францию – почти сразу, почти что на этом поезде до Питера.

А я поеду куда? Сначала домой, потом в институт и в общежитие, там нет и того малого, что стряслось со мной во время общения с французами, почему нужно возвращаться в эту жизнь?

– Вот, возьмите эти яблочки в дорогу, – протягиваю я им

наши яблоки белого налива. – Они волшебные, волшебные яблочки энергии, когда совсем устанете в вашем сидячем вагоне, съешьте их и вспомните о нас.

– Ого! Спасибо большое!

– Спасибо! До встречи!

– Я буду скучать, – говорю я, но я не плакса, слезы редкие гости на моем лице, а вот Ноэль как будто растрогался – яблоками или будет скучать?

– Мы тоже, обязательно увидимся!

– Пока!

Москва, сентябрь, 2010

– Поехали во Францию? Там очень красиво, уровень образования у них высокий, еда вкусная, – говорю я, думая о Ноэле.

Мы сидим с Олесей у меня в комнате и выбираем, в какую страну поедем по обмену.

– Да, я тоже сразу о Франции подумала! – говорит Олеся.

Глаза наши загорелись, каждая со своим ноутбуком отправляется читать про Францию, я за столом, она на моей кровати под потолком. Мне звонит мама, и приходится прерваться.

Когда я заканчиваю разговор, Олеся уже ждет меня с новостью:

– Блин, во Франции везде написано: «Обязательный французский не ниже B1».

Опять французский меня подводил, в школе меня принудительно записали в немецкую группу, а потому я лишь печально посматривала на учебник «Синяя птица» моего брата, птица казалась недоступной, но пленительной.

– Подожди, давай еще посмотрим вот здесь! – не верю я так скоропостижно умершему шансу.

– Здесь тоже половина предметов на французском, а нам нужно хотя бы два из них взять.

Я, не веря, пробую все новые и новые программы, но, шерстив все, уверяюсь, что Франция нас не ждет.

– Германия? – называет следующую страну Олеся. – У меня там сестра живет.

– У меня там кто только не живет, но я туда не хочу, этот немецкий учить, он и вполтину не так красив, как французский.

– Италия?

– Да! Лучше уж итальянский.

– Не торопись, тут его нужно знать тоже еще до поездки, – снова сокрушается Олеся.

– Испания?

Картина повторяется страна за страной. Везде нужен, помимо английского, местный язык.

Мы открываем длинный список университетов в стране и требования к участникам программ. Университеты нас практически не интересуют, мы мало что про них знаем и даже не пытаемся выяснить. Зато страна, город, в котором мы окажемся, волнует, заставляет колотиться сердце. Там будут наши приключения, наша свобода, наша настоящая студенческая жизнь.

– Олеся, поехали в Индию, я много чего слышала о ней – совсем другой мир!

– Ты с ума сошла! – говорит Олеся. – В Индии грязь и преступность!

– Тогда в Колумбию, будем танцевать латину и пить апель-

синовий сок, как в сериалах! – Я снова зажигаюсь и уже бедрами покачиваю в такт своему латинскому танцору.

– Ксю, какая Латинская Америка, туда пока долетишь. Да и родители меня не отпустят никуда, кроме Европы, – снова возвращает меня с небес Олеся.

Мы снова пробегаем глазами список. Вдруг из этого списка выпадает маленькая Голландия.

– Смотри, здесь и обучение на английском, и предметы, похожие на наше направление, и уровень жизни здесь высокий, – говорит Олеся, тыкая пальцем в университет Саксион в трудночитаемом городке Энсхеде.

Что я знаю про Нидерланды? Ровным счетом ничего, даже про тюльпаны не вспомнила.

Москва, октябрь, 2010

Поиск в интернете говорил, что в Голландии много тюльпанов, легализованы легкие наркотики и проституция. Для эссе нужно было что-то другое, да и на собеседовании с деканом таким не похвастаешься.

Я начала копать под тюльпанами и марихуаной и нашла там великих голландских художников. В основном мрачных, но был там и мой любимый – желтая улица и синее небо, подсолнухи.

Эссе наши с художниками не подвели, и теперь мы проходили на заключительный этап – битва с боссом.

Мы сидели напротив двери декана. Собеседование должно было пройти на английском, поэтому у меня пересохло не только горло, но и весь мой запас английских слов. Хорошо, что, хоть и сухой, он был у меня написан на влажной от пота бумаге: велосипеды, высокий уровень образования, индустриализация, морские порты.

И первый же вопрос мимо.

– Кто из знаменитостей окончил наш университет? – Декан сидел в кожаном коричневом кресле и наслаждался процедурой.

– Эм-м... из знаменитостей? – Про наш университет я ровным счетом ничего не знала, а из того, что знала, забыла, я же училась уже третий год. – Ну-у-у... Батурина... – стыд-

ливо произношу я.

Какая же она знаменитость, то есть знаменитость, но чем там гордиться? Это тебе точно не Ломоносов, который, кстати, не оканчивал, а основал. Ох, какая путаница в голове. Это еще к счастью, что я недавно слышала про Батурина, а то совсем сказать нечего было бы.

– Вот умора. И чем же она прославилась? – декан радуется все больше и сияет своими белыми острыми зубами. Зачетка, просмотренная и оставленная открытой, тоже как будто смеется: «Ба-ту-ри-на».

– Ну она добилась, чего хотела, – мямлю я.

А чего она добилась-то, кроме огромного состояния и мужа? Работайте, мозги, работайте.

– Ну ладно, ты не опозоришь наш университет? – вдруг строго спрашивает декан, захлопывая зачетку и рот. Зубы больше не видны. – Не заставишь нас краснеть? Ты же туда не только на вечеринки едешь?

– Нет, что вы, я собираюсь там учиться, потому что Нидерланды известны своим высоким уровнем образования, у них один из самых высоких рейтингов по...

– Ладно, валяй, зови следующего! – прерывает меня он, ему неинтересны мои заготовленные речи. Собеседование закончено, и, кажется, я его прошла, бумажка в кулаке сжата настолько, что про велосипеда наверняка перепечаталось на ладонь.

Я выхожу с глуповатой улыбкой, но вдруг, увидев лицо Олеси, понимаю, что я пока прошла только наполовину. Шепчу ей про Батурину и чтобы вспомнила знаменитостей из нашего университета.

Она заходит к декану, и уже через пять минут путь для нас открыт! Ключи от эльфийского леса, считай, в кармане!

* * *

– А как вы будете сессию здесь сдавать? – спрашивает одна из наших подружек, когда мы наконец-то рассказываем об отъезде.

– Ну как, мы же по обмену, а значит, и сессию там сдаем, обмениваясь, – говорю я раздраженно.

– А, ну круто, если так, – пожимает плечами подружка.

– Ксюша, а точно это так? – Олеся лишает и меня в этот раз уверенности.

В деканате нас встречает небольшого роста женщина, с очками, покрытыми едва заметной темноватой пленкой, с короткой прической и очень тихим голосом, мышка – жена слепого крота. Она берет наш список предметов на следующий семестр в Нидерландах и водит по нему своими очками.

Работники деканата всегда раздражены студентами, шумом, светом, университетом, существованием самой этой работы. Вот и теперь никакой радости мы в жене крота не вызываем. Она поднесла к самому носу наш лист и морщится,

как будто это мы мыши, а не она.

– У вас совпадает только два предмета, – говорит она тонким голосом, один глаз смотрит прямо на нас, другой хуже видно из-за темной пленки на очках. От этого или от ее вердикта становится жутковато, ведь мы уже растрезвонили всем.

– Да, но это невозможно – найти предметы по государственному и муниципальному управлению, которые бы совпадали. Мы же едем за границу, там муниципалитеты другие! – с жаром начинаю говорить ей я.

О чем эта мышка думала, интересно, когда выдавала нам все документы для поездки по обмену, почему не сказала сразу?

– Какие там муниципалитеты, мне неизвестно. Если вы считаете, что программа похожа, то идите и договаривайтесь со своими преподавателями. – Она резко протягивает список обратно нам в руки. – Вам все равно по возвращении все придется сдавать, а не сдадите – вылетите как миленькие, – отрезает она, ей надоели все эти студенты, обмены.

– Договариваться с преподавателями? – Олеся просто повторяет слова мыши.

– Ну мы же половину преподавов даже не знаем, новые предметы будут со второго семестра, – говорю я в пустоту. А думаю, что даже со знакомой половиной придется потрудиться.

– Это невозможно, – шепчет Олеся.

Плечи оседают, зря нас учила препод по аэробике распрямлять спину, какой там, когда нам грозит отчисление за нашу инициативу.

Мышь развернулась к нам спиной, ей с нами не о чем больше говорить.

– Девочки, если хотите, я вам дам контакт студентки с вашего же направления, она ездила в прошлом году, живет в общежитии, вы у нее все узнаете, – нас окликает девочка-студентка, которая подрабатывает в деканате. Не знаю, растрогали ли мы ее своим видом, или это бунт против системы, в котором студент по обмену все обменивает сам, как может.

Девочка живет на шестнадцатом этаже – между мной и Олесей, получается.

* * *

Стучимся в 1613-ю.

Слышим шаги, потом шаги замирают.

Стучимся снова.

Скрип, звук льющейся воды, крик: «Откройте кто-нибудь, я в душе!»

Ждем еще две минуты, я заносу руку, чтобы снова постучать, останавливаюсь от скрипа, сейчас наша судьба решится словами незнакомой девочки из 1613-й.

– Привет, Даша?

– Да, а вы кто? – не очень приветливо отвечает девушка с длинными волосами в пучке на макушке, бледная кожа, тусклые глаза, спортивный костюм с вытянутыми коленками.

– Нам дали твои контакты в деканате. Они говорили, что ты ездила по обмену, а мы тоже собираемся ехать, расскажешь про свой опыт? – говорю я.

– Тяжело было потом возвращаться? – выпаливает Олеся.

– Ой, тяжело – не то слово, – вдруг в глазах Даши загораются искорки, она начинает смеяться, но мне не нравится этот смех.

– Было ужасно. Адово. Это был пипец. Если бы я знала, что меня ждет по возвращении, я ни за что не поехала бы!

– Прямо так все плохо было? – Олеся даже подрагивает где-то внутри, это заметно в голосе.

– Ха! Придется все сдавать заново в России, преподы сдерут с вас три шкуры! Я была отличница. И чего теперь? Повышенную стипендию потеряла, оценки были совсем дрянными на первой сдаче, еще полгода бегала за всеми, чтобы пересдать. – Даша смотрит с вызовом, но вдруг смягчается: – Девочки, я бы не поехала на вашем месте, не стоит оно того, никто не понимает, зачем по обмену ехать, все только потом фигачат, чтобы завалить, может, из зависти, не знаю.

– Спасибо, мы поняли, – я могу только это из себя выдавить.

Ее слова мячиком отскакивают по стенкам головы, спус-

каются ниже, проглатываю, теперь страх уже в сердце. Никаких дополнительных вопросов мы не задаем – прощаемся, благодарим.

Даша довольно улыбается:

– Заходите, если еще что захотите узнать! – и уходит со своим пучком и вытянутыми коленками, дверь в 1613-ю закрывается вместе с дверью в Голландию.

– Что будем делать, Олеся? – задаю я вопрос, как будто не знаю ответа.

Мы же претендентки на красные дипломы, учеба только начала даваться легко, потому что все нас знают и уважают, то самое время, когда зачетка начала работать на тебя. Потерять красный диплом из-за какого-то обмена?

Ключи от волшебного эльфийского леса летят в бездну карьерных планов.

* * *

– Ну что я думаю. Не едем, я думаю, отменяем все, – говорит Олеся.

– О, мои девчоночки-красавицы, на шестнадцатом этаже – и не к нам в гости, как так? – Из-за угла, ведущего к лифту – центру наших всех этажей, показывается наш дорогой и любимый Ваня. Высокий, худой, но жилистый, с родинкой у самой губы, красивыми скулами и выразительными карими глазами. Какой он все-таки красивый, зря я тогда все свела

на нет, да и из-за чего?

Я вспоминаю прошлую весну.

Мы сидим в комнате Вани и его соседа – Андрея, которому нравится Олеся. На стене Андрея во весь рост плакаты с рок-гитаристами, мотоциклами и оголенными девицами. А скажи ему какую-нибудь непристойность, он тут же покраснеет.

Мы на кровати у Вани, я упираюсь спиной в одинаковые во всем общежитии желтоватые обои, на них ручкой что-то нарисовано и зачеркнуто, по всему периметру видны следы от кнопок. Над кроватью Вани полка с книгами, сбоку от нее висит график его дел.

Он учится на финансиста и работает в банке. Половину отличных оценок зарабатывает своей улыбкой с родинкой, вторую половину – шутками-прибаутками.

Ваня ставит перед нами табуретку со сладостями, ребята их покупают только для нас, сами они сладкое не едят.

На желтой табуретке стоит халва, вафли и банка с вареньем. Без тарелок, в полуоткрытых пачках, рядом чай, заваренный из одного пакетика, в аляпистых кружках с темными разводами внутри.

– Ну что, девчоночки, как ваш денечек прошел? Что расскажете, чем порадуете? – Ваня всегда говорит мягко, как кот на дубе, с прибаутками, настоящий сказочник. Говорит ни о чем, а ласкает. – Давно к нам не заглядывали, своими личиками не радовали.

– Ой, да столько учебы сейчас, – жалуется Олеся, – не знаем, как сессию сдавать будем, одни курсовые.

– Зато погода весенняя, – улыбаюсь я Ване.

– Девчоночки, сдадите все, где наша, как говорится, не проходила. – Ваня оптимист, да и веселят его наши страхи из-за сессии, он уже взрослый.

Вечер мне нравится, мне нравится слушать его и смотреть на него. Прошло уже несколько месяцев, как я рассталась со своим молодым человеком, первые долгие отношения – полгода. Я, кажется, готова к новым отношениям. Из своих мыслей меня вытягивает Олеся, кажется, я отключилась минут на пять.

– Ксюша, а ты как думаешь? – Она смотрит на меня, мне становится стыдно: мало того что я ее сюда притащила, так еще и не слушаю.

– О чем? Прости, я отвлеклась. – Моя студенческая сноровка подводит, не могу вспомнить последние услышанные слова, влюбилась все-таки в него конкретно.

– Ребята говорят, что девчонки любят спекулировать сексом и допуском к нему, – Олеся возмущена и смущена одновременно.

Мы хоть и строим из себя свободных девчонок, которые могут поговорить о сексе, знаем о сексе ровным счетом ничего. Точнее знаем одно – мы его боимся.

Нам девятнадцатый год, обе мы никогда еще не занимались сексом. Подходили лишь едва: в объятиях и прикос-

новениях, урывками, заканчивающимися стыдом, который портил всю нежность.

Мы верим, что сексом можно заняться только с тем, кого любишь, а еще лучше – после свадьбы.

Мы верим еще и в то, что, если позволить сексу случиться, есть большая вероятность потерять того, с кем это произошло.

В наших головах девственность – капитал, но только такой, который могут оценить лишь немногие. Этих немногих мы и ищем.

– Я считаю, что это дело девушки, когда она готова, – говорю я уверенным голосом, Ваня морщится. – А потом, полно парней, которые пропадают неизвестно куда, получив секс!

– И что, по-твоему, это причина спекулировать? Уникальный товар – сначала женись, а потом я тебе отдамся? Дам – не дам? Так просто не продам? – Ваня смотрит на меня спокойно, без вызова, но с насмешкой. – А как же любовь? Если любит, то хочет этого не меньше парня, я так считаю, а если шантажирует, то это не любовь.

– Ради любви можно и потерпеть. Все намного сложнее, это вам, парням, легко! – Олеся начинает злиться. – Если любит, будет ждать, сколько нужно!

Щеки Олеси пылают, мои, похоже, тоже.

– Тем более не обязательно тянуть со свадьбой, уже если любят друг друга и так хочется, – добавляю я. Я полностью согласна с Олесей. Уж если говорить про любовь, то секс тут

далеко не главное.

— Хах, я никогда в жизни не женюсь на пуританке! — с жаром и ультимативно говорит Ваня, наши аргументы наконец-то и его завели. — Надо узнать друг друга, пожить вместе, а потом уже жениться, мы все-таки уже современные люди. Поженитесь вы, а потом поймете, что не подходите друг другу в сексе, не уживаетесь вместе, да и не хотите быть рядом. Смысл какой в браке тогда был? И что, идете на развод, чтобы снова жениться и пробовать секс с другим? Секс — это необходимая близость в отношениях.

Эти слова тыкают тупым копьём. Тум. В сердце. «С ним у тебя ничего не может быть, он только секса и хочет», — слышу я во всей этой фразе.

Наши начинающиеся чувства там же и заканчиваются, после этого вечера. Я ужасно расстроилась, но какой смысл спорить, а уж какой смысл что-то с ним начинать, если без секса все равно не обойтись, а замуж я точно пока не собираюсь.

Мне так было жаль этого несостоявшегося романа: красивый, умный, добрый, веселый и... не готов принять того, что девушка не хочет секса до свадьбы. Нам было не по пути.

* * *

И вот опять он, с родинкой над широкой улыбкой, в голу-

бой обтягивающей рубашке.

— О, мои девчоночки-красавицы, на шестнадцатом этаже — и не к нам в гости, как так? — из-за угла приветствует нас Ваня. — Вы посмотрите, как выросли, как похорошели, какие взрослые! — говорит он, как будто наш дядя из Сочи, к которому родители на лето отправили.

— Ваня, ты как старичок говоришь, — смеюсь я, вдруг так легко, хотя мечты из ноздрей дымятся. Он все такой же, за лето не изменился, и мне опять он нравится, как жаль, что нам не по пути.

— А чего такие грустные, кто вас расстроил?

Как он все так чутко?

— Ваня, мы собрались по обмену, а тут нам сказали, что потом из универа вылететь можем. Даша вот, ваша соседка, кстати. Знаешь такую? — я сразу к делу, с ним можно не упражняться в вежливости. — Не поедем, наверное, такая засада, столько уже сделали.

— Ая-яй-яй-яй. Понял, принял. Так. Ну чего в коридоре стоите, заходите давайте, Андрей обрадуется, сколько не виделись уже. — Он уже полуобнимает меня и легонько толкает в дверь, к ним в гости.

Мы послушно заходим, а он все-таки стал еще симпатичнее, пятый курс, уже скоро уедет, что мы без него будем в общегитии делать, ведь так славно знать, что есть друзья.

Андрей смотрит на нас не очень приветливо, не простил нашей пропажи, ну или думает, что мы пришли за чем-то,

корыстные, или просто не в настроении?

Ваня заваривает чай, достает какие-то печеньки, в пакете оказывается только полторы печеньки, смущенно ставит все ту же табуретку, на ней те же чашки.

– Андрей, девчоночки наши собрались за границу, как говорится, покорять. Уже почти чемодан упаковали, а тут наша Дашка злая их отговорила, представляешь? Говорит, наведут они на вас порчу заморскую, все ваши пятерки в двойки превратятся.

Я не выдерживаю и от его рассказа прыскаю от смеха: звучит все в его словах смешно. Олеся надувает губы, ей история не кажется смешной.

– Девчонки, ек-макарек, вы, во-первых, эту Дашу знаете? Может, она социопат какой, не смогла ни с кем договориться, так и не вышло! – наконец-то Ваня разобрался с чаем, сел рядом со мной на кровать и начал проповедь.

– А потом, она вас предупредила, вот и выстраивайте стратегию сразу, подлизывайтесь в самом начале к преподам, договаривайтесь.

– Подумаешь, напугала, такую возможность упускать нельзя, тем более вы уже все прошли, все согласны. Ай да бояки, не узнаю вас, зайчишки мои! – смеется он.

– Не знаю, Ваня. Там еще и все другое, а вдруг мы не справимся, мы и язык-то не очень знаем – понимаем, а сказать не можем, как собачки. А тут еще и эти проблемы с универом, и денег много... – я вдруг срываюсь на свои страхи. Ему

хочется вручить все в руки, все свои проблемы, он настоящий мужчина в моих глазах, успокоит и все решит.

— Девчоночки, мои родители — врачи при посольстве, я где только не побывал за это время, сколько школ не сменил — никакие языки не выучил, а везде находил, как изъясняться, везде люди живут, девчоночки, — ласково, опять своего сказочника включил, сел между нами и положил руки нам на плечи. — Девчоночки, где наша не проходила, ек-макарек, конечно, ехать надо! — Он хлопнул нас по плечам и победно встал. Я встала за ним.

* * *

Следующие месяцы набегали друг на друга, мешались, топились, столько всего нужно было подготовить. Мы едем!

Правда, мне пришлось еще Олесю поугovarивать.

А Ваня не пропал, написал, узнал, не нужна ли помощь.

А потом позвал в кино, а потом еще позвал гулять и еще.

Мне было хорошо с ним, я была благодарна за то, что поддержал, вселил уверенность, но я все еще помнила его отношение к сексу и к браку.

А потому, когда он взял меня за руку, я съежилась, в голове прыгала все мысль о том, что вот уже скоро заговорит о сексе.

А мне об этом совсем не думалось, ведь перед нами с Оле-

сей эльфийская дверь, билеты куплены на январь, а там начнется все, что должно было уже давно начаться в нашей студенческой жизни: друзья, приключения и любовь. Настоящая любовь, которой отсутствие секса не помеха.

Поэтому в один из поздних ноябрьских вечеров я позвала его поговорить на кухню. Что могло быть хуже этого разговора, да еще и на общей, жирной и пропахшей сгоревшей едой, кухне. Но я считала своим долгом быть честной и не давать, никогда не давать ложные надежды, если я сама уже знаю, что ничего не выйдет.

Смеркалось, свет никто не включил.

Когда я зашла на кухню, он уже был там, стоял, немного ссутулившись, и смотрел в окно. Мне стало сразу его жалко – и себя еще больше. А вдруг, вдруг забыться и ничего не говорить, а потом уехать, и там как будет?

Я подошла и поцеловала его в щеку.

И начала:

– Ваня, ты мне очень нравишься, я так рада, что мы познакомились.

– Ой, ты решила со мной расстаться, что ли? – Он сморщился, а потом начал ухмыляться, родинка над его губой необычно поднялась, я еще не видела ее такой перекошенной.

– Ваня, зачем так резко? – Мне стало обидно, ведь я подготовила целую речь. – Я не хочу расставаться, а уж тем более заканчивать нашу дружбу. Но просто я же уезжаю, ты же

сам нас поддержал, сам советовал. А куда тогда развиваться нашим отношениям? – Неужели не видит: не я плохая, а обстоятельства.

Да мы вообще-то и не встречались еще, даже поцелуя не было, чего он завелся.

– Ксюша. Меня это устраивает. Я готов подождать. Я же знал, что ты собираешься уезжать. – Он смотрел прямо мне в глаза, настолько прямо, что если я могла бы, то залезла бы под стол. – Можем поддерживать связь удаленно, а вернешься – продолжить.

Проще было бы, если попросил бы меня остаться, а я бы сказала, что не могу. И все, легко же, очевидно.

– Ваня, ну а как удаленно? – Мне нужно было подумать, потянуть время, найти новые аргументы. Я совсем не ожидала такого исхода, мне почему-то казалось, что мой отъезд – ультиматум, который разрушает любые отношения.

Хотя у Олеси же было не так – ее собирались ждать: внезапно подтвердившиеся, такие долгожданные отношения, она их прекращать не собиралась.

– Ек-макарек. Да все понятно же: ты там кого-то найти собралась! – Он треснул одной ладонью о другую, в коридоре послышалось эхо. – Вот я дурак, ну конечно же, очевидно же! – Он смеялся зло, холодно.

Меня обожгло внутри, щеки загорелись. Я не ожидала, что всегда такой добрый, приветливый Ваня будет именно так, болезненно, резко и жестко реагировать.

– Что ты такое говоришь, я туда учиться еду, а не кого-то искать! – уже рассерженно начала говорить я. Но защищаться не было сил, он попал в самое сердце, нашел самую суть моих мечтаний, которую я боялась признавать.

Я знала, что с Ваней не та самая, не любовь. Чувств у меня недостаточно для любви. Вот он, хороший, красивый, умный и преданный, а куда меня тянет? Бери, радуйся, купайся в лучах, а мне любовь, чтобы сердце пополам, чтобы разрывалось, чтобы умереть можно было.

Не так здесь, и ничего не поделаешь.

А потом – ехать несвободной? Ну уж нет, я должна все здесь завершить, закончить, я должна ехать свободной, я должны быть открытой для той любви, да если и любви не будет, то для приключений, для флирта. Там же та самая дверь, лес эльфийский, свобода, приключения. Куда мне там девать парня из Рыбинска, Ваню, который на пуританке никогда не женится?

– Ой, все, Ксюша, передумаешь – напишешь, а я сейчас не собираюсь все это слушать. Пока, и удачи тебе в Голландии! Расскажешь потом.

И ушел.

Ключи в волшебный лес имеют дорогую цену.

Нидерланды, январь, 2011

Последний день января и мой первый полет на самолете. КЛМ.

Олеся подарила мне место у окна – в честь первого. Я внимательно смотрю на карту действия при посадке на воду, стараюсь запомнить. На душе скребут кошки из-за недавнего расставания с родителями, а тут еще и объявления – на английском и на голландском. Для меня они друг от друга почти не отличаются, в ушах звенят единственные слова, которые разобрали: «Кип ер ситбелт фасен»⁵.

Самолет задерживается. Я пристегнулась. И снова отстегнулась – а вдруг они сказали, что всем нужно покинуть самолет?

Пристегнулась снова – мы начинаем движение.

Самолет, как ленивый кот, разворачивается, урчит, потихоньку набирает скорость. Кресло вибрирует, за окном серая обочина взлетной полосы, серые деревья вдалеке.

Отрыв. Я лечу. Теперь осталось дожидаться королевского обеда, про который мне рассказывали брат и сестра. «В самолетах так кормят – м-м-м, объединение», – говорили они мне, я уже предвкушала это «м-м-м».

Вместо «м-м-м» выдали тонкий сэндвич с кислым сыром и огурцом, на упаковке было написано «Фуд Сервис Шере-

⁵ Keep your seat-belt fasten (англ.) – Оставайтесь с пристегнутыми ремнями.

метьево», к сэндвичу взяли «эппл джус». Вот тебе и «м-м-м» – первая встреча с голландской культурой.

* * *

Мы прилетели – все внимание теперь в уши и в глаза. Мы не охотники, конечно, а жертвы. Нам бы высмотреть заранее хищников и добраться до пункта назначения целыми.

Все это время была толпа, мы шли в ней. Но паспортный контроль пройден, получен багаж, и теперь мы сами по себе. Нам нужен поезд до Энсхеде. Схипхол – Схип-Хол – огромный пазл для нас.

Мы подходим к информационной стойке вместе, Олеся задает вопросы, а я слушаю. Отходим и уточняем друг у друга, что из услышанного поняли.

Ничего.

В ушах шумит от страха, надо же собраться.

Звоним нашему куратору – телефон у одного уха, а второе прижато почти вплотную с другой стороны телефона. Эта техника придумана, чтобы ничего не пропустить. В аэропорту шумно из-за биения сердца.

Я беспомощно округляю глаза и прошу повторить все то же самое Олесе. Куратор наверняка уже ждет приезда этих двух балбесин, которые ничего не понимают.

У меня здоровенный пластиковый чемодан цвета чайной розы. Он кажется неподъемным, а набит не сильно –

сам по себе чемодан оказался коварно тяжел. Минимальный опыт воздушных путешествий и стремление родителей приобрести дочке хороший чемодан выливается в большое неудобство.

Как его теперь затащить в поезд? Никто не помогает.

У Олеси чемодан такого же размера.

Поезд свистит.

Мы боимся не успеть и вместо того, чтобы сначала занести один чемодан вместе, а потом другой, мы отрываем себе руки, тянем чемоданы за собой и, вспотев, наконец-то оказываемся в поезде.

Следующая часть квеста – не пропустить свою станцию через два часа, а пока можно расслабиться с двумя огромными чемоданами, зажимающими наши ноги, в поезде, полном враждебных незнакомцев.

Будильник извещает о том, что наша станция уже близка, мы пересекли почти всю страну. Энсхеде находится на границе с Германией.

Мы проделываем снова те же танцы с чемоданами.

И снова никто не помогает.

Привыкаем.

На выходе с платформы стоит высокий, худой и лысый мужчина с бейджем – Джон. Это управляющий студенческой резиденции.

Он немногословен и разово улыбается нам.

Помогает толкать чемодан к фургону.

Олеся садится первой в фургон и последней на сиденье. Сиденье только одно. Я устраиваюсь на полу в кузове, передо мной два чемодана – в случае их падения мне прямая дорога в травмпункт. Вместо того чтобы прижать их ногами, я аккуратно отвожу ноги в стороны – боюсь запачкать свои новые белые сапожки и синюю легкую куртку, специально подобранные в России, чтобы выглядеть под стать европейкам. Никаких пушистых шуб – это я уяснила еще после первой поездки в Германию в двенадцать лет.

Кто бы знал, что Голландия начнется с сидения на полу в фургоне.

Нелегально.

* * *

Управляющий показывает нам квартиру и уходит, оставляя нас на первом этаже с огромными, почти во всю стену, окнами. Три комнаты для студентов и одна общая со столом для приема пищи. У одной комнаты окно выходит на улицу, на ноги прохожих, так как с этой стороны комната, кажется, в полуподвале. У другой – на поле за домом и яркую странную фигуру двух людей, как будто разминающих спину. Соседа дома нет, его комната смотрит на нас глазами Синей Бороды. Ведь как это – жить в одной квартире с незнакомым мальчиком?

Холодно.

Неуютно.

Страшно.

Сыро.

Серо.

Тоскливо.

Кровать в моей комнате-полуподвале посередине. Зато на белом икеевском шкафу – красные маки-стикеры тянутся к небу. На них я задерживаю свой взгляд. Маки, кстати, очень живучи.

В животе снова заурчало: самолетный сэндвич типа «м-м-м» и половинка темной шоколадки – вот и весь наш обед и ужин. Оказывается, в этой Европе в воскресенье все вымирает – никого на улицах и негде поесть.

Прошлись по нашей улице, в первый и последний раз пешком. Сразу посмотрели всю жизнь за стеклом, за большим стеклом без штор. Чтобы не расплакаться, легли спать.

Что мы наделали?

* * *

– Олеся, чего они так на нас смотрят? – говорю я, проглатывая комочек полупережеванных мюсли. – Олеся, они еще и что-то говорят нам. Но вроде бы что-то приятное, улыбаются.

– Ксюша, не знаю, у них тут так принято, может. – Олеся пьет свое молоко и старается не смотреть в окно.

– Что за страна такая, без штор? Ну ладно шторы, но про толь они тоже не слышали? – Я улыбаюсь и киваю «вам того же» паре голландских пенсионеров, проходивших по улице и внезапно остановившихся понаблюдать за нашим завтраком.

Может, у меня йогурт на губах?

Мы сидим в просторной комнате, наполненной со всех сторон светом. Свет этот попадает совершенно беспрепятственно на нас, на синий ковролин с огромными пятнами алкогольного происхождения и на выкрашенные в когда-то белый цвет стены.

Стол стоит посередине комнаты, в углу расположился маленький телевизор, которому так и не удастся привлечь наше внимание в дальнейшем. У стены – диван, отпугивающий от себя похлеще ковролина. Это «ливинг рум» нашего жилища на следующие шесть месяцев.

Идет наша первая неделя в стране без штор. И хотя мы уже обзавелись велосипедами, улочки с одинаково красивыми и ухоженными садиками, витражными окнами и отражающимся в них футбольными матчами нам кажутся чужими.

Конец января испытывает на прочность куртку родом из Дании, купленную вместе с мамой. Дания почему-то вызвала особенное уважение у нас с мамой, но я скучаю по своему русскому пуховику. А Олеся не скучает и смело им пользуется. Опять я слишком стеснялась чего-то.

Это один из первых завтраков, за которым нас обогрело

солнышко, все остальные дни стоят непреклонны в своей хмурости и недружелюбности.

Мы делим квартиру с голландцем, у него наверняка самая хорошая комната, потому что моя комната с окном под потолком не может быть названа хорошей. Однако сам факт того, что эту уже и без того маленькую комнату не нужно делить с соседками, добавляет плюс сто очков комфорта.

Пакеты из магазинов то и дело перекашивают руль велосипеда, что уже привело один раз к картофельной аварии. Картошка изнутри прорвала пакет и просыпалась. Ей было мало захвата всей дороги вширь, она также попыталась подорвать или, скорее, сломить волю моей Олеси, прыгнув под шины. Пришлось останавливаться и, стыдливо озираясь, торопиться со сбором бунтовщицы. В наказание в этот же день мы сварили картофельный суп.

Наши дни состоят большей частью из разведывательной деятельности. В наших учебных листах значатся следующие дисциплины: разведка местности, геолокация – путь в университет, поиск кабинетов, магазинов, рынка и возвращение на базу; расшифровка иностранной речи при общении с преподавателями, куратором, продавцами и с лицами нашего же типа и возраста (обычно расшифровка не обходится без сверки данных на военном совете); продуктивное снабжение и облагораживание нашей квартиры – постепенно помимо еды появляются красные нежные полиэстеровые (самые дорогие из всего нами купленного) покрывала; если с отсут-

ствием штор мы смирились, то в патриотичности покрывалам остались верны: куда это годится – садиться в одежде на пододеяльник?

Процесс облагораживания смешивается также с творческими дисциплинами и экономией – немного времени, и у нас на стенах уже красуются самодельные плоские картины, вырезанные из журнала National Geographic. Дабы придать картинам статуса, мы приклеили их на цветную бумагу формата А3. Получается вполне себе модерн арт с уклоном в детский сад.

Моя задумка с самой грандиозной картиной в зале над диваном дает сбой, и поезд, цельный на развороте, получает значительный ущерб прямо в своей сердцевине. На помощь приходит Олеся и два листа А3. К модерновому детсадовскому арту прибавляется апокалиптическая картина черного паровоза с красными зигзагами в середине конструкции.

Последний штрих – мы урезониваем диван новым покрывалом, диван принимает его сначала враждебно, а потом сдается, потому что мы теперь на диване сидим и не брезгуем. Мы победно оглядываем наше творение – результаты украшения и уборки дают нам наконец-то ощущение дома. Большого дома, потому что голландский сосед почти никогда не бывает здесь, а мы родом из общаги.

Со шторами мы тоже справились: оказывается, если жалюзи оставить только наполовину открытыми, то днем эффект почти как от тюля.

Одно очко в пользу нас.
Два в пользу велосипедов.

* * *

Нашим велосипедам всего лишь неделя, а мы уже успели два раза съездить снова к мастеру – то тормоза отказывают, то педаль отваливается. Велосипедам не неделя, конечно, а лет пять минимум.

В первый день после приобретения велосипедов мы поехали по карте к университету, выбрали самый долгий путь случайно. Волновались, смотрели по сторонам и на светофоры. Ехали мы с Олесей в один ряд, так что другим места и не оставалось, но улица была пустая.

Как вдруг после светофора навстречу нам вынырнули два велосипедиста на скорости, до которой нам еще было расти и расти.

Ехали они прямо на нас и что-то кричали. Мы спешно стали перестраиваться, я вообще в итоге съехала на обочину и остановилась.

Они еще что-то прокричали нам вслед, обидно голландское.

В этот же день мы подошли к приветливому преподавателю по стратегическому менеджменту и уточнили:

– Скажите, пожалуйста, каковы правила движения на ве-

лосипедах в Голландии?

— Хм... каковы правила. Да обычные, как у автомобилей, — весело сказал он, как будто мы его спросили, как хлеб есть — ртом или носом.

Обратно мы поехали по правильной стороне дороги, но все равно боялись.

* * *

Мы вот уже почти второй год совершеннолетние, и казалось, что уже сполна познали жизнь в студенческом общежитии на Выхино. И хотя там комендант разрезает своими безупречно длинными и острыми ногтями студентов, которые не отрабатывают летом на благо общежития, жизнь там кажется намного проще и понятнее. Тогда как здесь мы как будто теряем не меньше чем пять лет от нашего совершеннолетия и снова одинаково зажимаемся, как от попытки поцелуя, от звука иностранной речи.

Наша студенческая группа часто меняется, ведь все разные предметы выбрали, но какие-то являются обязательными, а поэтому нам удастся выделить ядро: два ирландца, чех и чешка, две бельгийки, много турок, несколько французов и очень много корейцев. Иногда попадают русские, приехавшие получать двойной диплом. На парах мы молчим, как корейцы, понимаем чуть лучше их.

Ирландцев не понимаем вообще. Преподавателей пони-

маем лучше. Вводим табу на общение на русском дома. Исключение – завтраки, потому что утро дается Олеся сложно.

* * *

– Кто-то стучится в дверь, слышишь? – кричит мне Олеся из ванной комнаты.

– Да ладно, кто бы стал стучаться, есть же звонок? – Сердце бьется, к нам еще никто не заходил, кроме хозяина.

– Открой, у меня голова мокрая! – Олеся снова кричит из спасительной ванной.

– Я тебя подожду, – упрямлюсь я.

– Ладно, пойдем вместе.

Мы открываем дверь, Олеся стоит с тюрбаном полотенца на голове.

– Привет! Я Рауль, а это Тимоти. Мы ваши соседи сверху. – На пороге стоят два парня: один бритый и пружинистый, а второй смуглый, с поднятым наверх черным чубом.

– Привет! Я – Олеся, а это Ксюша, мы из России, – говорит Олеся и улыбается.

– А вы откуда? – задаю я свой излюбленный.

– Из Нигерии.

– Из Индии.

Тишина, я не знаю, что нужно делать в данном случае, Олеся тоже.

– Мы пришли познакомиться, и если что нужно вам,

не стесняйтесь, заходите на второй или четвертый этаж, – снова говорит Рауль, тот, что с чубом, из Индии.

– Спасибо! – говорю я и улыбаюсь снова.

– Чаю хотите? – вдруг предлагает Олеся.

– Да, с удовольствием! Вы, значит, тоже чай любите, как англичане? – спрашивает Рауль и проходит сразу в комнату. Хоть по коже Тимоти ничего и не видно, но я угадываю признаки внутренней красноты и смущения, он топчется на пороге и от этого сразу становится для меня более симпатичным.

– Показать вам нашу квартиру? – спрашивает Олеся из соображений вежливости. Я смотрю на нее с усмешкой, они же наши соседи, квартиры у них такие же.

– Я пошла поставить этот, как его... – запинаясь я и мгновенно краснею, утыкаясь взглядом в неснятые ботинки гостей.

– Чайник, – подсказывает мне слово Рауль и лучезарно сверкает: – Я помогу вам освоить английский, это же мой родной.

Мне не нравится эта его ухмылка, но подсказка по бытовым приборам оказалась и правда к месту.

– Точно, сейчас мы везде с тобой пройдем и наклеим стикеры на все предметы, которые мы не знаем на английском, – восторженно делится своей идеей Олеся.

После неожиданного занятия английским мы садимся пить чай.

– А откуда ты из Индии? – спрашиваю я Рауля, потому что про Нигерию прямо совсем ничего не знаю.

– Я из Дели, но родился в Мумбае, это на море. Знаешь, Индия очень большая, не то что все ваши европейские страны, – снова бахвалится Рауль.

– Ну уж поменьше России, – решаю сбить с него спесь я.

– Индия – одна из самых больших стран в мире! – повторяет Рауль и начинает смеяться надо мной.

– Россия – самая большая, о чем ты, – подхватывает Олеся.

– Большая, да не больше Индии, – уже злится Рауль.

– Рауль, успокойся, Россия и правда больше Индии, – тихо говорит Тимоти.

– Вы думаете, я географию не знаю? – повышает голос Рауль.

Я не понимаю, он сейчас прикалывается или говорит серьезно.

– Тебе карту показать? У меня висит в комнате, – злюсь и я.

– Давай.

Мы все поднимаемся и большими шагами идем в мою комнату.

На стене у меня висит карта мира с центром в Южной Корее, я знаю, кто жил здесь до меня.

Я обвожу красным ногтем с облупившимся лаком границы России, а потом тыкаю в Индию.

Рауль молча смотрит, оглядывается на Тимоти, тот пожимает плечами – чем еще можно помочь другу, который так влип перед девчонками, которых они шли покорять первыми, пока никто не успел?

Я переглядываюсь с Олесей.

«Не так уж прямо тут все умнее нас», – думаю я.

* * *

Наша первая вечеринка проходит у соседок-бельгиек. Общаюсь я мало, больше улыбаюсь и прикладываю к губам пиво, купленное для маскировки. Это вывод из моих последних классов школы и первых курсов университета: если ты не пьешь и не куришь, знакомства заводятся сложнее, люди к тебе подозрительнее, считают зазнайкой.

Здесь нами впервые выбрана стратегия «не выделяться», поэтому мы покупаем несколько бутылок пива и держим их в холодильнике, пока не наступает время вечеринок. Тогда мы берем свои четыре на двоих и проводим с ними не меньше трех-четырёх часов.

Я общаюсь с чехом, с турком, с бельгийками. Встречаю француза. Он невысокого роста, черты лица выточены карандашом, что-то притягивает меня к этим французам однозначно.

– Ты откуда именно из Франции? – со знанием дела спра-

шиваю я, я уже знаю код таких разговоров.

– Что? – спрашивает он. Мы на балконе. У него небольшая щетина, на шее кулон, черная футболка обтягивает ребра.

– Откуда ты? – уже смущаюсь, диалог подвисает, говорю громче, чем нужно, и он морщится, слишком громко бывает даже больно, вспоминаю я.

– Я из Франции, а ты откуда? – немного выкрикивает, но не как я, не в ухо.

Знаю я, что из Франции, ведь обсуждали сегодня на «Введении в историю Нидерландов».

– Из Москвы, а откуда из Франции? – снова решаюсь я.

– Что?

На балкон вышло еще несколько человек, нас потеснили, он закуривает и улыбается.

А я в панике ищу выход с балкона.

Неужели я так плохо говорю, что он не может разобрать и этого легкого вопроса.

– Ничего, – улыбаюсь я, главное – не заплакать.

Он вдруг выдает мне какую-то длинную фразу, я киваю, но почти ничего не понимаю.

Для меня теперь страшна пауза, потому что я не знаю, что мне сказать, я ведь ничего не поняла.

Он заканчивает говорить и смотрит на меня вопросительно.

– Прости, я замерзла, – с этими словами я пытаюсь улизнуть в толпу, прочь с этого балкона.

– Ноу воррис, си ю!⁶ – кричит он мне, а я уже пробираюсь по комнате, главное – успеть свои слезы донести до нашего первого этажа.

Олеся разговаривает с чехом и смеется, чех тоже смеется. Ей хорошо, она отлично разговаривает и все понимает. Это знание больно жжет грудь: никакого тебе эльфийского леса без языка, дура, какая же дура!

Я сбегая на лестницу, еще рывок – и я на улице, теплая жидкость из глаз сразу морозит щеки.

* * *

Олеся каким-то образом углядела мой побег и вышла следом на улицу. Мы в одних кофтах, хотя на улице сильный ветер. «Хорошо хоть не в носках тут ходим, а в обуви», – первый раз думается мне.

Олеся идет за мной, а я от нее, чтобы не видела, как я плачу, перед ней это будет в первый раз, стыдно.

– Ксюша, что случилось? Ксюша, да постой же ты! – Она взволнована и напугана.

– Олеся, я не понимаю английский! Не понимаю, не понимаю, ни черта не понимаю! Зачем я приехала? Что я буду делать? – Губы трясутся, я почти уже зашла за угол, чтобы никто на балконе не мог меня увидеть.

– Ксюша, все хорошо будет, я тоже не понимаю, – тихо

⁶ No worries, see you! (англ.) – Без проблем, увидимся!

говорит Олеся.

– Ты понимаешь, ты можешь общаться, я – нет!

Зачем она врет мне? Она всегда лучше знала английский, лучше все понимала, хоть бы не врала.

– Мы справимся, Ксюша, я помогу тебе, все будет хорошо... – вдруг Олеся понимает, что нет смысла настаивать на моем знании, обнимает меня.

Я успокаиваюсь, но мы уже не возвращаемся – идем домой, смотрим сериал «Друзья» и ложимся спать под звуки неудавшейся вечеринки. Наши две оставшиеся бутылки пива одиноко озираются на столе у соседок.

* * *

Через несколько дней к нам постучались девочки из Москвы, приехавшие из нашего университета, но по другой программе. Они жили в нашем здании на четвертом этаже. Мы несказанно обрадовались знакомству с ними, как в новом классе радуешься своему знакомому из детсада, хотя имени его и не помнишь. Обе девочки были невысокого роста, их обеих звали Светами.

Одна была блондинкой, с завитыми искусственно волосами, накладными ресницами и пухлыми губами, а вторая – темноволосая, с большими квадратными очками и мешковатой одеждой.

Мы попили чай, быстро и очень эффективно перемыли

косточки нашим знакомым преподавателям. Прошли тест на злословие, и девчонки пригласили нас на следующий день на вечеринку. Чтобы добавить веса, блондинистая Света заметила, что на вечеринке будут итальянцы. Данная заметка не повлияла бы на нас, живи мы сколько-нибудь дольше в Голландии, чем одну неделю. Впрочем, заметка выдавала новичков и в Светах.

Выбор одежды на каждую вечеринку был мучителен, а в этот раз и того хуже – мы идем на вечеринку к русским девчонкам, но в Европе, надо же как-то совместить стиль и невзрачность.

Примерив несколько вещей, я решила, что моя леопардовая облегающая кофточка с декольте, которую мне подарили родители на прошлый Новый год, вполне подойдет под стиль, а джинсы – под невзрачность. В макияже я придерживалась того же подхода – накрашив ярко глаза коричневыми тенями, как учили на упаковке, я оставила губы без помады, а волосы зачесала назад и скрепила невидимкой.

Олеся тоже готовилась тщательно, мы понимали: итальянцы в качестве гостей и русские в качестве принимающих – это серьезная задача. Осталось взять вечное заготовленное пиво, обуться и пройти по заветным ступенькам на четвертый этаж.

* * *

Дилетанты ждали в семь, дилетанты пришли в семь. Светы всерьез волновались, что в назначенное время появились только мы. Но волнения своего не выдавали, потому что они приехали за неделю до нас и уже могли нас поучить чему-то. Мы открыли свое пиво со вкусом лимона и с отчаянным названием – «Десперадос», сели на диван и начали рассматривать их квартиру, в точности повторяющую нашу квартиру, с идентичной мебелью, синим ковровином, пропитавшимся разлитым пивом, вином, супом, сальным диваном и широким неуютным столом-партой.

Девочки поставили стол в центр и присоединили к нему еще один письменный стол из чьей-то спальни. Разницы в наших квартирах сильной не было, они поддерживали чистоту, как могли, в том, что им досталось. Одно только отличие было – в том, что они не попытались украсить стены самодельными картинами из журналов.

Время и разговоры тянулись – четыре русских девушки, беспрестанно поглядывающие на часы в ожидании веселой европейской вечеринки. В домофон позвонили, блондинистая Света вскочила с дивана, громко поставила пиво на не покрытый ничем стол и поспешила открыть.

– Фабрицио, заходи, дорогой! – радостно крикнула она в трубку, повернулась к другой Свете и подмигнула. Света-брюнетка в двух словах объяснила нам, что это и есть их друг-итальянец, и умчалась на кухню.

Какие они, эти итальянцы? Сколько их? Наверное, краси-

вые, – пронзительно переглядывались мы с Олесей в ожидании «белла» и «граци».

– Привет, девчонки! – группа из четырех парней, весело выдыхая велосипедной свежестью, втискивается в узкий проход. Я всматриваюсь в итальянцев: они смуглые, у всех черные волосы, все очень разные по комплекции и по чертам лица. У меня захватывает дух, я напыщенно смеюсь чему-то, что сказала Олеся, и делаю крупный глоток своего «Десперадос», чтобы показать свое безразличие.

Мы забились в самый угол комнаты и теперь не знаем, должны ли мы встать и подойти к этим ребятам или продолжать сидеть, проявив свое достоинство и совсем не проявив свой стыдный интерес. Я шепчу Олесе, пытаюсь посоветоваться на этот счет, но дело решается быстро – я забываю, ведь в Европе не принято разуваться, ребята уже напротив нас.

– Привет! Меня зовут Фабрицио, – широко улыбается первый, его лицо похоже на симметричную красивую маску: широкие скулы, идеальная улыбка с белыми зубами, смеющиеся глаза, черная бровь модно пробрита в середине, прямая короткая стрижка. Он среднего роста, в обтягивающих джинсах и обтягивающей же футболке, показывающей всем, что он спортсмен, на запястье кожаный черный браслет.

– А я Муниб, – улыбается следующий за ним итальянец. Этот итальянец выглядит совершенно по-другому: большой и широкий нос, яркие глаза под широкими же бровями.

Улыбка белоснежная, но зубы неровные. В его лице присутствует мягкость и тепло, как будто Фабрицио был нарисован холодными красками, а Муниб теплыми, солнечными. Из-под фиолетовой футболки у горла выглядывает горло другой, оранжевой футболки, ниже – широкие серые штаны, немного болтающиеся, но без намерения оголить боксеры.

Двое других ребят остановились у Свет и что-то с ними обсуждают.

– Откуда вы? – задаю я вопрос и улыбаюсь. В моем животе все свернулось, пиво я подношу к закрытому рту, опрокидываю бутылку и снова отношу ото рта, мне нужно какое-то занятие, чтобы не сбежать прямо сейчас, но выпить пиво слишком быстро я не могу, тогда придется искать альтернативу. Олеся тоже улыбается, но хотя бы не притворяется, что пьет, – железные нервы.

– Из Италии, Сицилия, – пропевает Фабрицио, я снова смотрю на него, он настоящий кот. Светится и гордится Сицилией, собой, и если никто не хочет его погладить, он с удовольствием сам себе окажет такую услугу.

Так, так, так, Сицилия – это верх или низ сапога, я что-то слышала же про нее, ну же, Ксюша, давай, скажи что-нибудь.

– А я из Омана, – тихо и осторожно говорит Муниб, взгляд его фиксируется на нас, он пытается что-то понять прямо сейчас. Мы проходим какой-то тест, но какой? – Наверное, вы не знаете, где это, – замечает он даже радостно. – Это рядом с Дубаем.

– Дубай! – вскрикиваю я. – Я знаю, у меня сестра туда ездила отдыхать, ей очень понравилось!

Я ухватилась за свое знание и даже могу что-то рассказать, что говорила сестра, но вряд ли им интересно, что там можно недорого купить норковую шубу отличного качества. Так, так, что еще она там говорила?

– Правда? – Муниб удивлен и, кажется, рад.

Конечно правда, что же мне рассказать про Дубай?

– Расскажи нам про Оман больше? – выпутываюсь я. Если он будет рассказывать, то нам не надо говорить, а можно просто кивать и изредка поддавать еще вопросы, чтобы подогреть беседу.

Муниб начинает рассказывать, он говорит четко и не очень быстро, вероятно, он уже понял, что мы не очень уверены в нашем английском. Я восхищена тем, что я что-то понимаю. Я улыбаюсь, и улыбаюсь, и улыбаюсь, скрывая напряжение моего слуха, нервы. Олеся тоже. Фабрицио явно разочарован моей реакцией на какой-то Оман и пытается разговорить Олесю. Она же была когда-то в Римини.

Рассказы про Оман и Сицилию останавливаются, к нашему неудовольствию.

– А вы чему учитесь, на сколько приехали сюда? – задает вопросы Муниб, так же ласково смотрит при этом на обеих.

– Мы приехали по обмену, – выпаливаю я заготовленные фразы. – Мы учимся маркетингу, приехали на полгода. И еще нам пока тяжело с английским.

– Девчонки, не переживайте совершенно, – опять улыбается Муниб, он точно не кот, не Фабрицио. Несмотря на то что он невысокий, его добродушие напоминает мне какое-то большое животное: его пухлые губы, растягивающиеся без промедления в улыбке, его немного надавливающие на глаза веки и брови – он похож на верблюда, точно!

– Мы вам поможем, главное – практика. Говорить и тренироваться. Да, Фабрицио? – Муниб хитро переглядывается с Фабрицио, тот довольно кивает.

Разговор прерывается приездом новых гостей. К этому времени гостевая комната по обе стороны стола наполнилась людьми, на столе уже видны первые пролитые капельки вина и первые оставленные кем-то пластиковые стаканчики, судьба которых – потеряться.

В квартиру входят три высоких парня и один пониже. Парни очень быстро привлекают внимание всех гостей, разговоры становятся тише, мы слышим наши имена.

– Ксюша, Олеся, идите сюда, познакомьтесь с ребятами, они тоже русские, – зовет нас блондинистая Света, она расцвела, настоящая светская львица – владелица салона, ее вечеринка – успех. Зовет она нас так, как будто прибыли высокопоставленные гости и их надо чем-то развлечь, а для этого у нее припасены русские девчонки.

Мы подходим и здороваемся, даже необычно говорить на русском языке, все напряжение тут же улетучивается. Русские парни очень высокие и широкоплечие – занимаются ка-

ким-то спортом или просто качаются. Они выглядят так, как иностранцы часто себе представляют русских мужчин. Волосы светло-русые, глаза светлые, красивые лица с высокими лбами и прямыми носами. Эти парни определенно привлекательны, но что-то в этой привлекательности настораживает – наверное, то, что они взрослее.

– Ну что, девчонки, скучали тут, пока мы не пришли? – говорит один из них на русском, самый высокий. Мы стоим в центре комнаты, но к нам никто не присоединятся из иностранцев.

– Эм, да, мы пока еще не освоились, на русском говорить куда легче, – говорю демократично я.

– Ой, да научитесь, это-то не беда – беда, что эти европейцы нормально и веселиться-то не умеют, – говорит другой, отмахиваясь. – Вы надолго приехали? Откуда приехали?

– Из Москвы, – говорит Олеся. – Мы здесь на той же специальности, что и девочки, но уезжаем через полгода.

– А, москвички, значит! Москвичек мы любим! – заявляет третий, и нам становится не по себе от его фразы. Голоса у всех троих глубокие, они совсем не похожи на тех ребят, с которыми мы только что болтали, их манера более уверенная, они не стесняются, они короли здесь.

Я чую рыбалку – эти готовы только к крупному улову, приветливая беседа или обмен контактами в «Фейсбуке» их не устроит.

– А вы что тут делаете? – чтобы понять хотя бы немно-

го, откуда от них исходит такая уверенность, решаюсь выяснить я.

— У нас бизнес здесь, мы здесь уже давно живем, — коротко и тоже заготовленно отвечает мне самый высокий.

— А какой бизнес? — не отстаю я.

— Света, что у вас тухло тут как, — оставляет меня без ответа высокий. — Что у тебя заготовлено для гостей выпить?

Света округляет глаза, хочет что-то спросить, но не решается и уходит на кухню за выпивкой.

— Ребята, поедem, что ли, отсюда? Обещали зайти — зашли, — говорит высокий остальным.

Мне жалко Свету, она им сейчас ищет выпивку на кухне, а они уже обсуждают, как уехать. В то же время мне непонятно, почему им скучно, и меня это тоже задевает.

Как же так, вот стоим мы, красивые девчонки, а они даже не пытаются быть галантными с нами.

Совсем не так приятно с ними, как с прошлыми собеседниками, хоть и приходилось говорить на английском.

— Девчонки, поехали с нами! — пытается получить выгоду от своего приезда тот, которому нравятся москвички. — У нас там весело. — Он подмигивает мне. — К тому же банька есть, то-се. Попаримся, дом стоит у самой реки, еще и покупаться сможем.

— Да, девчонки, если хотите, поехали, — вспомнив про нас, говорит их лидер, тот самый, высокий. — У нас и виски хороший есть.

Я растерянно смотрю на Олесю. Ребята, конечно, красивые, но их поведение вызывает недоумение, а события развиваются слишком уж быстро. Стоит ли ехать, интересно ли там будет? Да и куда ехать, даже непонятно.

Олеся выразительно на меня смотрит, я понимаю, что мою растерянность она не одобряет.

– Нет, ребята, спасибо, нам завтра на рынок ехать, покупать для дома кое-что, вставать рано надо будет, – говорит Олеся твердо и смотрит на меня еще выразительнее.

– Да, спасибо за предложение, может, как-нибудь в другой раз? – снова включаю дипломата я. Зачем, собственно, включаю? От ребят исходит какая-то опасность. Я чувствую ее на уровне интуиции. Худой мир, худой мир, не задеть достоинство этих мужиков-павлинов.

– Уверены? Точно не поедете? – задает вопрос уже очень холодно все тот же самый высокий, смотрит почему-то пристальнее на меня. – Второго шанса не будет. Мы сейчас уедем, и все.

После этих слов не остается никаких сомнений, что ехать с ними было бы ошибкой.

– Точно, – говорю я, выдерживая взгляд, ишь чего о себе возомнили!

Высокий холодно пожимает плечами, парни разворачиваются и уходят, не попрощавшись ни с нами, ни со Светами.

Вот так дело. Станный разговор и странная реакция на все. Растерянно смотрю на Олесю, а она начинает шипеть

на меня:

– Ты что, серьезно думала о том, чтобы ехать с ними? Ксюша, ты совсем, что ли? О чем ты только думаешь?

Она похожа на гусыню. На маму-гусыню.

А я похожа на нашего щенка у родителей – люблю приключения, мне страшно отказывать новому, я пока учусь, как тут себя вести на вечеринках.

* * *

Мне неудобно оставаться с Олесей, и я ухожу в туалет. Выйдя из туалета, я останавливаюсь неподалеку от входа, чтобы рассмотреть карту. Я все еще не готова вернуться к Олесе, мне стыдно за свою легкомысленность.

Ко мне подходит парень – короткая, два или три миллиметра, стрижка, татуировки на руках, смуглый, я называю его Тимати в уме, но только не тот, что из Нигерии, а тот, что из Москвы.

– Хай, хау а ю? – начинаю я свой привычный разговор с незнакомцем.

– Хай, хай, айм файн энд ю? – незнакомец улыбается как будто нехотя, его губы едва растягиваются в улыбке, но глаза остаются холодными. Он как будто сошел с плаката любителя рэпа и золотых цепочек, мне нравится его смуглая кожа.

– Вэ а ю фром? – продолжаю я свои куплеты.

– Фром Азербайджан, – спокойно, без какого-либо чув-

ства, говорит незнакомец. Я смущаюсь: был ли смысл этого обмена на английском, снова смотрю на него, и мы начинаем смеяться. Он приехал вместе с русскими ребятами, но я не заметила. Почему же он не уехал, а остался с нами?

– Давай тогда по-русски говорить? – снова расслабляюсь я, сегодня мне не приходится сильно напрягаться, я выбираю легкое общение, зато мне не надо стесняться хотя бы того, как я говорю.

– Да. Ты есть во «ВКонтакте»? – вопрос снова без чувства. Если я ему симпатична, то почему он так спокоен? Мы общениваемся контактами, он отправляет мне запрос на дружбу.

– Как тебе здесь, в Голландии? Ты тоже здесь давно, как и ребята? Чем занимаешься? – Мне он интересен, я смотрю на его губы, они пухлые почти как у того первого парня, с которым мы говорили, кажется, его зовут Муниб.

– Мне нравится, здесь совсем другой уровень жизни и есть чем заниматься. Я работаю, не учусь.

Все эти фразы про бизнес, работу меня начинают утомлять. Неужели только я научилась рапортовать на вопрос «Чем занимаешься?».

Ах, это все чертов английский, на котором мы прекрасно знаем, как сказать, сколько нам лет, откуда мы и что мы делаем в жизни, а все остальное остается за кадром.

– Ты похож на Тимати, – говорю ему я, совершенно не зная, воспримет он это как комплимент или как оскорб-

ление.

– Правда? Чем именно? – его ответ без эмоций, никаких выводов из его реакции я сделать не могу.

– Ребята, едем в центр! – кричит Света. – Вылетаемся все живенько, едем в клуб «Аспен Валли», давайте, нам нужно закрыть дверь.

– Ты поедешь? – спрашивает мой азербайджанец, имя я до сих пор не выяснила.

– Да, наверное, мне нужно поговорить с подругой еще про это, – постыдно вспоминаю, что так и не дошла до Олеси после своего провала с ребятами и баней. – А ты?

– А я приехал с ребятами, мне не на чем ехать, – снова без всяких эмоций отвечает мой собеседник. Он так отстранен, что я начинаю сомневаться, зачем он вообще продолжает со мной диалог, нравлюсь ли я ему?

Он мне определенно нравится, но эта его отстраненность...

– Можем поехать на моем велике, – ляпаю я, не подумав дважды, как это и водится за мной, а в этот вечер я претендую на то, чтобы побить все рекорды. Его взгляд останавливается на моих губах, спускается ниже, я немного кряхчу и поправляю кофту. – Естественно, не я буду за рулем, – это замечание я добавляю на всякий случай, мы же в Голландии, вдруг он подумает, что я сильная женщина, которая его еще и повезет.

– Это для меня не проблема, я бээмиксер, – снова спокой-

но говорит он, но что-то меняется. Я слишком много предлагаю или я ему все-таки понравилась?

Мы начинаем собираться, нам с Олесей еще нужно захватить куртки из нашей квартиры, я договариваюсь встретиться внизу. В проходе встречаю Муниба, на нем длинный кожаный коричневый плащ, он в нем кажется меньше и тоньше, этот плащ создает странный образ – он похож на высохшего старичка с маниакальными намерениями. Я улыбаюсь ему, но он не замечает или делает вид, что не замечает. Вот так наряд он подобрал, чудак.

Мой собеседник ждет меня, часть ребят уже уехали, пока мы собирались с Олесей. На Олесе длинная пуховая куртка, и я ей немного завидую, потому что ей всегда тепло, а у меня куртка тоньше и короче, но зато выгляжу я легче и больше похожа на европейку.

– Это твой велик?

Опять непонятный тон: ему он нравится или не нравится, он вообще рад, что мы едем вместе?

– Да, а что, тебе не нравится? – я начинаю раздражаться, благодарен должен быть, шел бы пешком, если бы не я.

– Садись, сейчас так катнем, не забудешь! – Он уже на водительском, а я сажусь на пассажирское, то есть на холодный багажник. Воспоминания у меня о такой езде не самые радостные, сидеть на багажнике – значит не иметь никакого контроля.

В детстве так меня катал брат, один раз он решил про-

ехаться по большой луже, какие бывают только на дорогах в степи, лужа не подвела и затянула велосипед своей холодной жижей так, что брат не смог крутить педали дальше. Ему пришлось слезать ровно посередине лужи, вставая по щиколотку в эту жижу. А потом он скомандовал и мне слезать.

Плача, я соскользнула с багажника и погрузила полностью свои новые красные полусапожки в черную вязкую грязь.

Я плакала потому, что не хотела ехать на багажнике, не хотела ехать по этой луже, а больше всего я не хотела своим красным полусапожкам такой судьбы.

Я плакала, потому что мне было пять лет.

Брат долго потом извинялся, но я все равно больше не соглашалась ездить на багажнике.

Это чувство снова посетило меня, потому что водитель решил со мной не церемониться и с ходу набрал высокую скорость, а потом еще и прыгнул без торможения с тротуара на дорогу.

Я сначала пугаюсь и проклиная себя за то, что позволила ему рулить, но постепенно меня затягивает этот драйв. Неожиданно, что он, такой худенький, оказывается таким сильным. Он едет, не держа руль, часто поворачивается ко мне. В его глазах жизнь и какой-то новый огонек. Мы летим по пустым голландским улочкам, улочки освещают не только фонари, но и свет домашних ламп и плазм, спокойно падающий из широких окон без занавесок. На перекрестке он берет мою руку в свою, а потом обвивает моей рукой свою

талию.

– Лучше так держаться, не правда ли? – говорит мне со знанием дела.

Сколько девчонок он так перевозил?

Я держу руку для приличия секунд пять, а потом убираю и снова держусь сзади за багажник. Ноги мои прижимают сумки, свисающие по обеим сторонам велосипеда. Эти сумки мы сначала долго искали, а теперь очень бережем, ведь это единственный способ ездить за продуктами, я надеюсь, что наша быстрая езда их не повредит.

Через какие-то семь минут мы на месте, с Олесей у нас этот путь занимает минут пятнадцать. Я вглядываюсь в своего шофера – ни капельки пота на лбу. Мы паркуемся недалеко от всех остальных, ждем отстающих и выдвигаемся к клубу.

Мой ухажер берет мою руку в свою, горячую.

– У тебя нежные руки. Мне понравилась наша поездка, – снова замечает он без каких-либо эмоций.

Я не знаю, что сказать, и молчу. Не знаю я и что делать с моей взятой в плен рукой, как ее оттуда вызволять? Выдергивать, вытягивать? Пока я решаю, она временно теряет чувствительность.

Откуда передалось это чувство, что я больше себя не контролирую, это из-за багажника все?

Я иду позади Олеси, и только это меня и спасает – что бы она сказала сейчас, увидев меня за руку с этим парнем?

Пока я лихорадочно думаю, как спасти свою руку и отвязаться от этого парня, нас обгоняют Муниб с Фабрицио и еще несколько человек. Им всем весело, они болтают и смеются, на английском, и даже длинный плащ не мешает Мунибу быть душой компании. А я снова одна...

* * *

Мы подходим к клубу самыми последними. С помощью красных линий и столбов, напоминающих контроль в аэропорту, охрана отсеивает тех, кому не суждено сегодня танцевать в клубе. Вся группа вместе с Олесей уже готова проходить внутрь, мы последние. Мой ухажер немножко замешкался.

– Ксюша, пойдем в другой клуб, он лучше, – вдруг с волнением говорит мой Тимоти.

Я удивлена, на его лице промелькнул то ли страх, то ли волнение – в первый раз.

– Нет, там же все наши уже заходят, – говорю я не очень внятно.

Здесь много народу и все толкаются, нас разделяют толпой выходящих, я ускоряю шаг, чтобы больше не отдавать своей руки. Вижу Олесю и ускоряюсь еще, он что-то говорит мне вслед, ищет, но я делаю вид, что не слышу. Охранник меня пропускает без задержек, я делаю несколько быстрых шагов, оборачиваюсь мельком и замечаю, что мой спут-

ник задержан на охране. Я успеваю снова отвернуться к тому времени, как он пытается найти меня глазами, и ныряю в шумный воздух клуба.

Ведь он же должен был следовать за мной, так? Откуда я знаю, что его остановили. Я успокаиваю себя этими мыслями. И радуюсь. Мне стыдно, что я такая трусиха и что воспользовалась такими странными обстоятельствами. Если бы мне рассказал кто-то эту историю, я бы покачала головой в неодобрении, а теперь сама протискиваюсь к барной стойке и в ближайшее время не планирую рассказывать эту историю никому.

* * *

В клубе легко и весело, мы чувствуем себя желанными, ребята так и выются вокруг, улыбаясь и шутя. Олеся больше на меня не сердится, ей спокойно, что я одна и рядом.

Эта легкость атмосферы так отличается от нашего общения совсем недавно. Я пытаюсь найти причины, отчего здесь мне хочется смеяться и я больше не стесняюсь, отчего еще минуту назад мои руки были как ледышки?

Оглядываюсь снова: легкость эта создается от равенства нашего положения и нашего отношения друг к другу, мы все студенты, приехавшие в другую страну, чтобы учиться. Но учиться в первую очередь жизни, ее краскам и многообразию, учиться любить, смеяться шуткам на разных языках,

учиться видеть друг друга.

Там, с русскими ребятами и с этим азербайджанцем, было другое, что-то подавляющее, ощущение владения. Ощущение, как будто они уже состарились и им больше неинтересно изведывать, а поэтому тратить время на глупые улыбки и смешки им некстати. С теми, первыми, мы были очень непохожи, хотя нас объединял язык и даже страна, с этими мы были одинаковы – студенты, уехавшие от родителей, возможно первый раз, испытывающие свою первую свободу, первую серьезную дружбу, первую любовь, первые путешествия, от которых захватывало дух, мы все начинали жить, и нам кружила голову эта возможность – жить.

Я расслабилась и почувствовала наконец-то, что дверцы в эльфийский лес открыты, а я танцую на первой эльфийской поляне и пользуюсь популярностью.

В клубе мы познакомились ближе с парнями из Румынии, из Индии, из Кении. Альди из Румынии весь светился, если я с ним заговаривала. Фабрицио постоянно улыбался и угостил нас пивом. Муниб сначала танцевал с нами, но больше не пытался со мной заговорить, а потом и вовсе пропал, встретив каких-то других своих знакомых.

Мы настолько долго и весело танцевали, что из моей головы напрочь вылетел азербайджанец. Я даже и не думала, что снова где-нибудь увижусь с ним, ведь Энсхеде – такой большой город.

Мы вышли на улицу перед закрытием, когда так не хочется уходить тем, кто продержался всю ночь. Шум баров стих, на улице стояли только курильщики и пару пьяных парней, писающих в специально всплывающие каждую ночь из-под земли писсуары-инферно, как прозвала я их шуточно.

Воздух свеж и морозен, церковь посередине площади величественно продолжала нести свою службу, хоть вокруг нее теперь и всплывали туалеты, она не теряла своего достоинства. Именно на фоне этой церкви я увидела азербайджанца напротив моего велосипеда.

По позвоночнику пробежал холодок, меня передернуло.

С кем я связалась и почему он ждет меня? Его глаза смотрят на меня пристально, они застекленели. Как же сложно понимать человека с такой мраморностью. А вдруг он злится на меня?

– Привет, а я тебя потеряла в клубе, ты решил не ходить? – говорю я и даже сама себе не верю.

– Поехали домой, – только и говорит он сухо.

Я ему жена, что ли? Смотрит все так же пристально, но как будто сквозь, что-то за мной спряталось?

– Ну это зависит от того, где твой дом, я вот поеду до своего. – Я осмелела, все-таки я не одна, рядом стоит Олеся и еще пару ребят из нашего дома.

Азербайджанец молча на меня смотрит, его взгляд не выражает ничего, мне становится от этого уже действительно жутко.

– Тебе по пути? Можем по старой схеме, – сдаюсь я. Не выдержала даже минуту.

– Садись, – бесцветно говорит он, отстегивает замок велосипеда, взяв у меня ключ из рук.

А если бы ключ был у него, наверное, он не стал бы ждать. Я зачем-то послушно сажусь.

– Держись.

– Эм, хорошо, только давай подождем всех сначала.

– Догонят. – И с этими словами он стремительно трогается, как и в первый раз. Как в его абсолютной безэмоциональности вообще случается такая скорость?

Мы снова едем по знакомым улочкам, но они уже не освещены лампами из домов, все давно спят. На улице стоит та самая тишина, которая страшит больше вечерних шорохов. К этому времени ночные создания уже успокоились, а утренние еще не проснулись – время несуществования. Вдруг он поворачивает не туда, где мы обычно ездим.

– Зачем ты повернул сюда, они же все поедут по другой дороге? – Я начинаю волноваться. Почему я попадаю постоянно в такие глупые ситуации? Кто мне мешал сказать ему «нет» или вон попросить меня проводить того парня из Румынии, он показался милым.

– Короткий путь, – только и сказал он, свернув на темную

даже ночью улицу вдоль железной дороги.

Мы ездили по этой улице в начале, пока не нашли другой путь до университета и центра, нам не нравился туннель, который приходилось проезжать. Туннель неприятно громыхал поездами, кричал своими граффити и был слишком длинен для пары пугливых девчонок.

Не доезжая до туннеля, он останавливается. Поворачивается ко мне и произносит странным механическим голосом:

– Обними меня, ты красивая.

Я не двигаюсь с места, из меня вытянули только что весь воздух и все мое счастье эльфийской поляны.

Он поворачивается, очень гибко для такого бесчувственного. Обнимает меня сам и старается поцеловать.

Я резко отклоняюсь на багажнике. Встаю.

– Смотри, какие волосы, длинные и мягкие. – Он проводит рукой по волосам, как будто я кошка, а лучше кролик. Я уворачиваюсь. Тогда он тоже приподнимается и снова пробует меня поцеловать, захватывая при этом за пояс куртки. Я сжала губы, хотя он и не так близко, пояс оттягивается и может ударить меня пряжкой.

– Отпусти! Что ты делаешь, ты меня неправильно понял! – наконец разжимаю губы я.

Моя уверенность волнами то возвращается, то пропадает.

А если я попала в ту самую ситуацию, от которой меня пытался всегда оградить дедушка: «Ксюша, никогда не садись в машину к мужчинам одна, даже если они тебе знакомы».

Дедушка, тут даже не машина, тут до смешного – велосипед, а я на багажнике.

– Ну чего ты, разве не этого хотела? – Он снова притягивает меня, это очень странная позиция, ведь он все еще удерживает велосипед, как и я, впрочем.

Уже пора бежать или еще нет? А велосипед?

– Я не поеду никуда, пока ты меня не поцелуешь, – посверкивая глазами и позвякивая монетами в одном из карманов, медленно и холодно говорит он. Он меня больше не держит.

– Что? Я же сказала, ты меня неправильно понял! – я говорю чуть громче и начинаю злиться.

В голове борются два голоса. Один говорит вклеить ему как следует за такие проделки, а другой прикидывает, пора ли уже поднимать шум, звать на помощь или еще терпимо? Этому второму стыдно звать на помощь просто так, ведь пока еще нет серьезной беды.

– Ну что ты расшумелась, иди сюда. – Он откидывает подножку в велосипеде. И полностью встает, ему больше не нужно держать велосипед. – Иди сюда, тебе ведь этого хочется тоже.

– Если ты никуда не поедешь, то слезай с моего велосипеда, я доеду и сама, – стараюсь говорить так же холодно, как и он.

Второй голос кричит: «А в том ли ты положении, чтобы ставить условия?»

Мой шантажист снова теряет свой взгляд где-то позади

меня, потом смотрит на меня, проходит от моего носа к плечам и велосипеду, я сжимаю руки в перчатках. Как там папа учил: левую ногу немного вперед, правый кулак выбрасывать резко, но не широко, чтобы успел вернуться.

Он снова смотрит мне в глаза.

Я выношу левую ногу вперед.

Он недоволен, но спокоен, садится на велосипед.

Я не знаю, что это значит. Но резко тоже сажусь на багажник.

Несколько секунд мы задерживаемся в такой позе, а потом он начинает движение к дому.

Мы сворачиваем на широкую улицу, и я начинаю слышать голоса ребят издалека, я спасена.

Подъехав ближе, мы видим Олесю, Фабрицио и еще одного мальчика из нашего района, они все ждут меня по указанию Олеси. Ее взгляд светится уже издалека, кажется, мне не избежать взбучки.

– Ты где была? Я тебя потеряла! – голос Олеси подрагивает, она кидает мне эти слова на русском.

– Спасибо за поездку, – я пытаюсь сказать это как можно более сухо азербайджанцу.

– Увидимся, – бросает он, но куда-то в сторону – то ли это угроза, то ли он уже забыл обо мне. Я боялась, что он не захочет слезать с велосипеда, но ребята рядом, и он спокойно отдает мне моего коня и уходит, ничего больше не сказав, в сторону незнакомого мне района.

Как только он уходит, Олеся прощается с ребятами и, не дожидаясь меня, скрывается за дверь.

Я устанавливаю велосипед в гараж и обнаруживаю, что Олеся не стала придерживать дверь, дверь захлопнулась.

Где мои ключи?

Энсхеде, февраль, 2011

– Олеся, как ты думаешь, не слишком так нарядно будет? – Я стою в серебристой водолазке и в бриджах, почти как первый день в университете, только красные бусы не надела.

Наши одноклассницы-бельгийки устраивают очередную вечеринку, они живут прямо над нами, а потому идти совсем недалеко. Мы продолжаем подолгу выбирать наряды на вечеринки. Если в клуб в своем городе я не могла заявиться не в платье, а еще не могла я заявиться в платье, в котором уже была, то здесь происходит обратный отбор.

– Нет, Ксю, очень уж официально получается, – быстро резюмирует она, – может, тебе рубашку красную с джинсами и хвостик сделать?

Голова у меня и правда не первой свежести, а помыть не успею. Надеюсь, что она еще прослужит мне сегодня, а она после утренних пробежек по этажам совсем устала и начала маслиться.

– А мне как? – Олеся стоит в футболке с героями Диснея, сверху надет синий вязаный кардиган.

Какая же она все-таки стилиста!

– Классный выбор, ты, как всегда, супер, и не слишком нарядно, и стильно. – Я немного завидую, у нее так легко все получается.

Мы берем пиво и поднимаемся на второй этаж.

Я вижу опять сдвинутые столы в гостиной как у нас, такой же замызганный ковролин, только стены совсем пустые, белые.

Мы быстро здороваемся с теми, кого знаем. А знаем мы уже многих. Прошел месяц нашего пребывания в Нидерландах. Мы стали немного спокойнее, меня больше не бросает в крайности на вечеринках.

Задерживаемся немного с чехом и чешкой, нам нравится общаться, мы как будто немножко родные. Хотя потом окажется, что чех ненавидит коммунистов, и нам за причастность к коммунистическому прошлому периодически будет прилетать, но это позже.

Я исподтишка смотрю вглубь комнаты на своего ирландца: высокий, длинные волосы, которые постоянно закрывают глаза, а он их даже не откидывает, смотрит как из домика своими зелеными большими глазами с ресницами как у Барби.

Улыбается, он всегда улыбается, и такой нежный.

Подхожу к нему, хоть и тяжело пока понимать его акцент, но не зря же мы уже договорились о поездке в Германию вместе. Одним днем. В Мюнстер.

– Привет, Инн! Как дела? – Я сполна освоила эразмусский этикет и уже не боюсь вот так подходить.

– Привет, Ксуюша, Олэйся! У меня отлично – вот! – Он показывает на свою бутылку пива и смеется.

Нам трудно привыкнуть, что ирландцы напиваются просто как гномы из «Властелина колец», чем пьянее – тем ценнее. Не знаю уже, что ценнее – вечер или сам ирландец, который его абсолютно не помнит на следующий день.

Его друг Гарри что-то шутит и зовет его.

Я разочарована, но не удержишь же.

– Си ю!⁷ – бросает он мне и продолжает улыбаться.

Гарри задумал соревнование, кто больше выпьет, с корейцами. Корейцы обожают наших двух ирландцев, а от всех остальных шарахаются. Наверное, сошлись на том, что их английский тяжело понимают другие нации, а может, игра в футбол или общая пьянка.

Вдруг слышится шум, и комната разражается смехом. После огромного стакана коктейля из водки, пива и вина самый высокий кореец падает на своих друзей, они оттаскивают его к стене и дают нежно съехать по стенке. Он, кажется, спит.

Я поворачиваюсь и смотрю на Олесю от безысходности: почему никто на этих вечеринках не играет в игры, чтобы все общались, знакомились, чтобы вот с этим Инном сблизиться. Неужели надо просто напиться?

* * *

Нам девятнадцать, но мы пока еще ни разу не напивались, чтобы хвастаться другим о ночи с белым другом. Разве что

⁷ See you (англ.) – Увидимся!

после пищевого отравления.

Мои родители не прятали от меня алкоголь и по праздникам, с подросткового возраста, могли налить вино, иногда давали даже коньяк на пробу.

До сих пор помню приторный и терпкий вкус кагора. Его просто невозможно было выпить много из-за сахарности. Я делала несколько глотков из рюмки на короткой ножке, и мое желание пить выветривалось. Дедушка подливал каждый раз после произнесенного тоста в рюмку, из которой не убывало, поэтому, когда мы вставали из-за стола, моя рюмка была еще полнее, чем до застолья.

А среди сверстников я боялась пить. Мне было комфортно в своей роли, меня приняли хорошей заучкой, иногда посмеивались, но на мою защиту вставала подруга с острым языком, и все быстро затыкались.

Среди моих дворовых друзей пили все, и пили помногу, и даже моя подруга рассказывала мне истории. Но при мне она не пила. Мне не нравилось, во что превращались люди после выпитого, пугали кислотного цвета банки: «Ягуар», «Отвертка», «Отмычка», «Закручка». Первые доступные коктейли. Мне не нравилось терять контроль, я боялась последствий. Береги платье снову, а честь смолоду.

Однажды, в четырнадцать лет, я дала слабинку на Исаакиевском озере.

В новой компании – мне и моей подруге нравились двое ребят оттуда. А поэтому хотелось показаться очень взрослыми.

ми и крутыми, не упасть в грязь, так сказать.

– Ксю, ты реально, что ли, «Отвертку» никогда не пробовала? – Юля, девочка с большими зубами и боксерскими кулаками, открыто смеялась надо мной так некстати. Максим, которого выбрала я, смотрел на меня с улыбкой – смеется?

– Я же говорю, мне не нравится вкус алкоголя. – Чутье подсказывало, что не время было начинать свою алкогольную карьеру вдали от дома с не очень знакомой компанией.

– Ксю, поверь, «Отвертка» тебе понравится. Это как лимонадик, да попробуй, че ты как целка мнешься, ей-богу. – Юля не сдавалась и притянула ко мне внимание всей компании. Я искала защиты у своей лучшей подружки, как всегда, но она была слишком очарована тем, другим, парнем и уже приняла из его рук «Отвертку».

Мы сидели на двух бревнах, напротив друг друга, а между нами было пепелище. Кто-то использовал это место для жарки шашлыков. Под ногами валялся мусор.

Я никогда не была у этой части озера. Мусор злил меня, эти ребята смеялись надо мной, потому что я была слишком умной и воспитанной, училась в лицее и никогда не пробовала «Отвертку». Да что я знала вообще об этой жизни?

Я спасовала.

– Ну ладно, попробую. – Я потянулась за пластиковым стаканчиком.

Мне налили из литровой ярко-оранжевой бутылки – еще чуть-чуть, и выплеснется.

Все смотрели на меня, а я пыталась взять контроль над всеми мышцами своего лица, чтобы не икнуть, не закашляться, как это уже произошло с первой попробованной мной сигаретой. Одним словом, чтобы показать, что я не пью алкоголь потому, что мне вкус не нравится, а не потому, что я слабачка.

Во рту стало апельсиново, никакого вкуса водки. И правда лимонад. Я улыбнулась, все вокруг заулюлюкали и засмеялись.

Обманувшись лимонадностью, я выпила свой стакан очень быстро. Водохлеб с детства не меняется. Лимонады я всегда любила.

Кто-то пошутил, и я слишком сильно для себя начала смеяться. Испугалась. Повернулась к подружке, а озеро поехало. Я схватилась за бревно, но тут же отпустила, боясь, что кто-то другой заметит, что я опьянела.

Опьянеть было еще более стыдно, чем не пить.

Я запаниковала, вцепилась в ладонь своей верной подружки и прошипела ей, чтобы она пошла со мной в туалет.

Подружка сдавила руку и помогла подняться.

Как все-таки хорошо, что она всегда со мной, надежно.

Я сосредоточилась так сильно, чтобы не шататься, что не стала хоть сколько-нибудь огибать высокую траву, которая царапала ноги.

– Ксю, блин, ну ты и тропку выбрала, там вон дорога была в двух метрах! – подруга яростно шипела мне в спину,

но шла за мной, как и я, в коротких шортах, царапая ноги.

– Лель, еще чуть-чуть, и я упаду здесь, ты вообще что тогда будешь делать? Мне так плохо, я ничего не соображаю, все едет. – Я почти плакала.

– Ой, блин, Ксю, все так плохо? Вот блин, что я твоим родителям скажу, они и так вот меня видели недавно по дороге курящей, стыдно-то как. – Невообразимо, но мнение моих родителей мою подружку интересовало куда больше, чем мнение собственной матери.

– Лель, слушай, я хочу попросить тебя об одной вещи, – сказала я серьезно, но оступилась. Поэтому «вещь» окончилась пискляво. – Лель, пожалуйста, проконтролируй, чтобы я не наделала делов, и не позволяй больше пить. – Я закончила очень торжественно, на глазах навернулись слезы.

– Лель, а еще я так тебя люблю! – Я уже всерьез начала плакать и потянулась к ней с объятиями.

– Ну началось, Ксю, если ты пьяная всегда такая, то лучше и правда тебе не пить.

Мы посидели вдали от всех, в высоких кустах. Я протрезвела, и мы пошли обратно. Максим сидел рядом с Юлей и улыбался ей.

– Поехали домой, – шепнула я своей верной подружке. Вечер не удался.

После этого случая я пила алкоголь, но всегда очень быстро останавливалась и очень четко видела ту черту, после которой я лишусь контрольного пакета акций. Я позволяла ин-

весторам отжимать не больше 20—30%, а дальше стоп.

Олеся тоже любила контролировать ситуацию, а потому нам было очень комфортно вместе. Но закралось подозрение, что именно из-за этого мы остаемся вне студенческих тусовок, у нас так и не появилось друзей, как в фильмах или в рассказах. Было очень грустно предполагать, что количество выbleванного в туалете так сближает людей, но, похоже, это было правдой.

Вот и теперь опять казалось, что наша любовь к трезвости оставляет нас за какой-то невидимой границей веселья. Мы как будто внутри, но за стеклянной стеной.

* * *

Я расстроилась, мне все чаще и чаще становилось скучно на этих вечеринках: от мимолетности разговоров, обсуждения все время одной и той же темы, постоянной смены людей, — не хватало то ли веселья, то ли глубины.

Инн сбежал от Гарри и идет ко мне.

Грустные мысли меня быстро покинули, я сооружаю свою самую лучезарную улыбку, а он останавливается, не дошедши.

У какой-то новенькой — подружки бельгиек, они его активно знакомят. Эта подружка красивая, глаза голубые, конский хвостик как у меня, только голова, конечно, чистая, а волосы светлые.

Я расстроена и ухожу в другую сторону, там на подоконнике лежит одиноко сдутый белый шарик. Остался от какой-то другой вечеринки – может, день рождения был у соседа бельгиек.

Я его немного надуваю, перетягиваю посередине, а потом нажимаю поочередно то с одной, то с другой его стороны, гоняю воздух. Олеся болтает с какими-то девицами, нашла с кем, но у нее парень есть в России. Не то что у меня...

Вдруг мне попадается фломастер на глаза, я подхожу к столу, чтоб взять его, и вижу Муниба. Кто позвал его? Он не из нашей группы. Интересно.

Опять этот нелепый длинный кожаный плащ, по ощущениям он достался от прадеда-Дракулы. Под плащом – casual Arabic: широкая футболка, широкие штаны, явно больше по размеру, чем необходимы. На нем снова не одна, а две футболки.

Одет он смешно, но мое внимание привлекает его кожа – приятного золотистого цвета, гладкая, без изъянов, и снова сияющая улыбка, как ему удастся?

Вот он заходит на вечеринку и тут же издает какие-то победные веселые звуки, шутит с кем-то, пританцовывает. Его походка мягка и пружиниста, лицо светится.

Я возвращаюсь к своему шарiku и рисую на нем веселое лицо, которое так не совпадает с моим.

Муниб вдруг подходит прямоком ко мне, хотя после той вечеринки с азербайджанцем мы больше не общались, даже

когда виделись где-то.

– Привет! Что это ты делаешь с шариком? – Он продолжает улыбаться. – Можно написать ваши с Олесей имена на множестве языков на этом шарике, пока ты и с другой стороны рожицу не нарисовала, – говорит так, как будто мы пять минут назад разговор закончили.

– Точно! – Мне очень нравится идея, а еще я знаю, чем себя занять теперь, пока Инн все продолжает общаться с этой подружкой бельгиек – супермоделью.

Я подхожу сначала к одним ребятам, потом к другим, и сразу становится очень просто и весело.

– Привет, напиши мое имя, пожалуйста, на твоём родном языке. Мое и Олеси, – прошу я и смеюсь.

Ребята охотно делятся со мной нашими именами на их языках.

Собирая свою коллекцию, я все время оглядываюсь на Муниба, чтобы показать ему свои успехи. Он показывает большой палец. Наконец я иду за его подписью – на арабском. Он старательно вырисовывает мое имя и объясняет каждую букву. Не пишет, а именно рисует, так я знакомлюсь с арабской вязью – на надувном шарике.

А потом остаюсь стоять там, с ним, мы болтаем, как будто давно знакомые люди. Муниб внимательно меня слушает, поддерживает, если вдруг запинаюсь. Кажется, я нашла настоящего друга, а еще Муниб пьет только колу.

Энсхеде принял нас наконец-то – кажется, это произошло вместе с приходом в нашу жизнь Муниба и Фабрицио, хотя мы постоянно ездили с кем-то новым на разведку территории. С французами на карнавал, с украинцем и ирландцем в Утрехт, с чехом и ирландцем в Мюнстер.

Время начало торопиться, мы торопились с ним. Наконец-то я чувствовала, что не за бортом, не на окраине, а в самой гуще событий, вечеринок, друзей и путешествий. Но нужно было торопиться, потому что скоро сказка должна была закончиться.

Мы отправились в свое первое путешествие в Швейцарию к другу нашей семьи. Нам было так сложно поверить, что мы там окажемся. В Швейцарии. Там, где банки, горы, Милка и очень все дорого, там Альпы, в Швейцарии, а мы могли попасть туда за какие-то жалкие тридцать евро. На самолете, а обратно на поезде. Обычном и необычном поезде. В Швейцарию. В Швей-ца-ри-ю.

Однако учеба никуда не ушла, по возвращении из Швейцарии нас ждала сессия.

Первая сессия отличалась настолько от того, что мы привыкли видеть в России, что глаза высыхали к семи утра, мы заливали их крепким кофе и торопились на экзамен.

Экзамены шли подряд, все были письменные, если не учить все вовремя, не было времени выучить все перед

экзаменом. Никаких шпаргалок, никаких автоматов, никаких слепых заучиваний – теорию надо понимать, потому что на экзамене ее придется применить. На это время на фронте вечеринок было объявлено перемирие.

Олеся построила график повторений и вывесила его у себя на стене. У нее была система, а я отчаянно и бессистемно повторяла все. Мне казалось, что она обязательно все сдаст на высший балл вот с таким графиком, а я опять что-то упускаю.

Мы сидели в разных комнатах и почти не общались, только за приемами пищи, которые стали короткими и нервными. И несмотря на то, что в нашем деканате нам уже торжественно сказали, что наши оценки здесь засчитываться не будут, мы даже не понимали, как можно не готовиться, а еще – как можно провалиться. Медалистки, отличницы, идущие на красный диплом, должны были показать себя, всем показать.

Но только здесь мы себя совсем к отличницам не причисляли и тряслись до дрожи, надеясь наскрести хотя бы на минимум.

За три дня до экзаменов у Олеси произошел нервный срыв, она плакала и собиралась ехать домой, в Россию, без боя. Я успокоила ее, а внутри удивлялась: как же графики?

За один день до начала срыв стучался и ко мне, но я победила его, листая книгу всю ночь.

И мы вышли победителями из этой сессии – точнее, я вы-

шла.

* * *

Олеся провалила один экзамен из-за того, что спрятала маленькую шпаргалку в калькулятор. Ей дали закончить работу, а потом вручили бумагу, в которой назначалось слушание по вопросу отстранения ее от экзамена и признания результатов невалидными. Из-за маленькой формулы в калькуляторе.

На слушании, которое случилось через три дня, я сопровождала ее.

Из кабинета она вышла, как выходят из операционной проигравшие врачи. Пересдать можно будет только через полгода, то есть в нашем случае никогда.

Олесю этот факт просто расколошматил. Она впала в отчаяние, которое помогали усугублять родители.

Услышав очередной громкий и резкий разговор, я поступалась к ней после их телемоста.

– Олеся, можно поговорить? – спросила я.

Олеся сидела перед захлопнутым ноутбуком и не оборачивалась.

– Олеся, ну ты чего? Опять что-то тебе родители говорили? Не созванивалась бы ты с ними пока, ну ей-богу, тот экзамен – это просто глупость наша, я могла бы тоже попасться, да ну и кому он нужен, правда? – Я успокаивала, но знала,

какой позор лежит на ней сейчас, я бы переживала не меньше, а может, и даже больше на ее месте.

– Ксюша, я не хочу сейчас говорить. Правда, выйди, пожалуйста. – Олеся проговорила это очень тихо, сдерживаясь, но за словами послышались всхлипы, резкий звук втягивающейся жидкости в нос.

– Олеся, ну ты даешь. – Я замешкалась, а потом подошла и обняла ее за плечи.

– Да не для меня эта Голландия! – закричала она резко, отталкивая свой ноутбук на край стола. – Я зря сюда приехала, понимаешь? Я глупая, глупая, глупая я! Мне нечего здесь делать, только деньги родительские трачу! – она выплевывала слова. Мамины слова. Да еще и так, как будто пыталась обидеть меня ими, как будто это мне они предназначались.

От объятий моих она отстранилась.

– Ты вот! У тебя все классно! Ты во всем разобралась, все сдала отлично, парни вокруг тебя выются, а я что? Что я здесь делаю? Зачем я приехала? – Глаза Олеси горели, подбородок трясся.

– Олеся, о чем ты? Это я-то умная? Ты мне переводила вообще-то кучу всего, да я без тебя вообще бы не справилась. – Я начинала жалеть, что не ушла раньше, эти обвинения не входили в мои планы.

– Мне бы только хвостом вертеть, развлекаюсь, и все, ничего больше, – Олеся продолжала добивать себя какими-то чужими фразами.

– Какие несправедливые слова! Да мы с тобой столько здесь учимся, как никто другой, просто нам тяжелее, они все вон знают английский, учатся по той же системе, а нам в новинку. Чего ты говоришь-то такое? – Я начала тоже злиться, потому что скандалить мне придется не с кем иным, как с мамой Олеси.

– Я ду-у-у-ра-а-а, – взвыла она снова и теперь уже уткнулась мне в плечо.

– Так, так, давай-ка мы на кровать переместимся? – Я потянула ее к кровати, она поддалась. Я села рядом, она легла и отвернулась.

– Во-о-о-он, ты и гуляешь, и учиться успеваешь, что со мной не так, Ксюша? Что не так? Почему я всегда в догоняющих? – Она шептала что-то и стонала в подушку, я не все разбирала, но наконец-то до меня дошло:

– Тебе мама это все сказала?

Мама Олеси была разрушительна в своем стремлении контроля, когда-то Олеся мне рассказывала, что мама постоянно сравнивала ее с ее успешными подружками в школе. Значит, и здесь сравнение не прекратилось.

– Ты что, рассказала им мои оценки?

– Да. Они не понимают, почему я не могу так, как ты. – Новый припадок всхлипов и вздохов.

– Чушь какая, Олеся, ей-богу, чушь, у меня своих детей пока нет, но я точно знаю, что постараюсь их ни с кем не сравнивать! Что за манера! – я стала говорить строго.

И снова меня сравнивают с моими друзьями, приводят в пример, чтобы мои друзья потом наполовину меня любили и ровно на ту же – ненавидели. Спасибо, мудрые мамочки.

– Ты вон... да посмотрели бы они на меня в начале инстита, или благодаря кому я здесь?! Да меня бы тут и не было, я была бы другой Ксюшей без тебя! – Я начала сама запинаясь, мой голос – подрагивать. – Ну посмотри ты на меня, что бы я делала без тебя? Так и скажи им в следующий раз, что Ксюша бы уже домой уехала, если бы не Олеся, уже бы расклеилась, развалилась и сдалась.

Олеся наконец начала смотреть на меня, я продолжила:

– Ты совсем себя не ценишь, говоришь прекрасно на английском, одеваешься как красиво, в тебе есть чувство стиля, ты все понимаешь быстро, постоянно идеи какие-то генишь. Да ты необыкновенная!

Олеся вдруг улыбнулась, всхлипы прекратились.

– Я пойду умоюсь. Ксюша, прости.

Я отпустила ее умываться. Села за ее стол, взяла чистый лист бумаги и, с ненавистью поглядывая на ноутбук, начала писать.

– Это что? – спросила меня осушившаяся Олеся.

– Это тебе, повесь себе на стену, чтобы не забывать, – сказала я сухо, немного сердито даже.

– Это про меня? – Глаза Олеси заискрились, она держала написанный мной листок, на котором было много-много прилагательных про то, какая она чудесная. Я писала разные

слова, брала разноцветные ручки, которые хранились у организованной Олеси для подчеркивания важной информации в тетрадах, и писала все, что я о ней думаю, начиная с того, какая она красивая, и заканчивая тем, какая она веселая.

– Нет, про меня, – оскалилась я от смущения.

Вдруг у Олеси снова появились слезы, она читала, улыбалась и плакала одновременно.

– Спасибо, Ксюша, спасибо, ты даже не знаешь... – Она снова плакала.

– Рева-корова, – бросила я, – давай опять умывайся и пошли мороженое поедем.

Вот так вдруг я узнала, какие чувства все это время скрывала Олеся. Она завидовала мне и считала меня более умной, более красивой и более успешной. Как такое возможно? Ведь это мне казалось, что у нее все удастся, классный стиль, да еще и живот плоский. А тут ведь такое.

Значит, в сухом, точнее, немного мокро и соленом остатке мы были абсолютно одинаковы в наших страхах и переживаниях.

* * *

Экзамены закончились, воздух еще потеплел, мы наконец-то выпались и с новыми силами пустились в путешествия и на вечеринки.

Сегодня вечером мы отправились на вечеринку с Мунибом и его другом Ахмедом. Вечеринка проходит в другом университетском городке, а поэтому мы долго едем на велосипеде, дороги пустынные, а слева от нас лес.

Нам не страшно. В ноздри бьет свежий весенний ветер, волосы ловят его и мешают обзору. Кровь, разогретая велосипедом, воздухом и весной, гуляет по телу, заставляя щеки то и дело румяниться. Ребята перекидываются фразами, но я их не слушаю, потому что я счастлива.

Велосипед – мой Пегас, я оторвалась от земли, меня больше ничего не удерживает, не связывает, я настолько свободна, что кружится голова.

Впереди меня на велосипеде Ахмед. Разве возможно было бы представить такое в России, чтобы мы настолько легко поехали с двумя арабами через лес в другой университет на вечеринку?

Позади меня моя лучшая подруга, с которой я готова к любым приключениям. Сбоку чернеет лес, как у Пушкина. Я сильная, уверенная в себе, привлекательная, у меня есть друзья, есть вечеринки, я в центре своей вселенной, она крутится и не стоит ни дня на месте.

Вдалеке уже видны огоньки университета Твенте, университетского бара, в котором есть дешевый алкоголь, место для настольных игр. Мы здесь каждую последнюю пятницу месяца на презентациях стран, организованных студентами, на которых общаются, а потом обязательно едят народные

вкусоности.

Приезжаем, но вечеринку из-за большого количества людей перенесли в другое место кампуса, до него нужно ехать еще. Мальчики предлагают вернуться в город и пойти в бильярд вместо этого.

Бильярд – разве и здесь он тоже есть и сюда тоже ходит молодежь? Мне интересен местный бильярд, ведь в России, в своем городе, мы тоже туда ходили. Девочки должны были красоваться и обязательно приходить играть в бильярд в платьях и на каблуках. Ну и золотое правило: когда тебе кто-то нравится из мальчиков, обязательно попроси его показать еще раз, как правильно держать кий, как правильно бить. Бильярд сближал, но после школы я перестала туда ходить, мне казался он завершенным этапом взросления.

На мне сегодня новая кофточка, темно-зеленая, с леопардовым принтом. Она полупрозрачная, почти сетка, но с темного цвета лифчиком почти не видно тела или ее прозрачности. Я балансирую между тем, чтобы быть открыто-сексуальной и скромной. Совсем сексуальной я быть не хочу, это смущает, зажимает.

Скрыто – хочу.

Под кофту подошли мои любимые джинсы с немного завышенной талией, чтобы прижать животик. Я в новеньких, купленных здесь между полок с 40-м и 45-м размером, рыжих сапогах. Они мне понравились – немного ковбойские, скрывают длину ступни, хотя здесь, на полках между 40-м

и 45-м размером, кажется, смущаться нечему.

Олеся бы такие себе не купила, но я не Олеся, и мы уже это выяснили, а потому я наслаждаюсь легоньким постукиванием мини-каблучка. Каблучок оказывается удобным как для ходьбы, так и для езды на велосипеде.

Волосы у меня собраны на макушке назад, подняты начесом и зафиксированы невидимками – напрасный труд: когда едешь на велосипеде, они сами принимают решение, в какую сторону лечь.

– Ну что, девчонки, научить вас играть в бильярд? – спрашивает Муниб и улыбается по-чемпионски.

– Я умею, – бесстрастно говорит Олеся.

– Я тоже, – добиваю я. Этап совместного держания кия мы прошли, тем более Муниб не мой ирландец, с ним бы я, может, еще и притворилась, что не умею.

– Как тогда поделимся? – спрашивает Ахмед.

Ему с нами не очень интересно, я задавала много вопросов про него, он не задал нам с Олесей ни одного.

– Девочка и мальчик в каждой? – снова спрашивает Муниб. – Например, я с Ксюшей, Олеся с тобой?

– А почему не девочки против мальчиков? – я не смущаюсь Муниба.

– Ха-ха, Ксюша, уверена? – Муниб как-то нервно смеется.

– Ксюша, ну не знаю, я все-таки не так хорошо играю, – шепнула мне Олеся.

– Ну или ладно, давайте так, как Муниб сказал. – Я по-

смотрела ему в глаза и улыбнулась. С ним мне было намного комфортнее, чем с Ахмедом.

Ахмед был красивым и модным парнем: короткая стрижка, обтягивающая футболка и обтягивающие джинсы, мускулистые руки, белоснежная улыбка, не слишком большой нос и не слишком пухлые для араба губы. Но от него не исходило никакого интереса к нам, нас это задевало. Он как раз так улыбался, как, нас предупреждали, улыбаются торговцы на рынке: очень приторно, как будто они лучшие друзья, хлопывая тебя по плечу одной рукой и обвешивая другой.

Муниб же казался искренним, он тоже много улыбался, но слушал внимательно. Он был похож на Аладдина из мультика, я легко могла бы представить у него на плече обезьянку Абу, а в ногах ковер-самолет. Мы начали нашу партию и выиграли у Олеси с Ахмедом.

* * *

После бильярда мы отправились в клуб танцевать. Ахмед сразу куда-то испарился, Муниб танцевал рядом. – Что-нибудь хотите, девчонки? – спросил Муниб, перекивая повторяющиеся ритмы электронной музыки. – Нет, спасибо, – мы ответили с Олесей в унисон, как делали все чаще и чаще.

Муниб ушел и очень быстро вернулся с кока-колой.

– Хотите?

Мне был удивителен такой жест, а точнее, удивителен здесь: я поняла, что напитками не принято делиться.

– Я немного только. – Танцы вызвали жажду, стакан с кока-колой выглядел как в рекламе.

Муниб протянул мне стакан, наши пальцы коснулись, он не сразу передал стакан мне.

– Давай я не буду из трубочки пить, – смутившись, прокричала я.

– Пей как хочешь, мне все равно, – он засмеялся и стоял очень близко.

Я сделала ровно один глоток с края стакана и протянула стакан Олесе:

– Будешь?

– Нет, спасибо. – Олеся была сама в себе, ритмично двигалась и не нуждалась в подкреплении.

– Спасибо. – Я снова посмотрела на Муниба, мне нравилось, что он не смылся так же, как Ахмед. Все-таки с ним нам было намного спокойнее в этом баре, я все еще помнила свои первые приключения с азербайджанцем.

Он словно почувствовал мои мысли – снова пристально на меня посмотрел.

Я широко улыбнулась и продолжила танцевать. Мне нравилось, что у нас есть небольшая группа, что можно беспрепятственно смотреть на Муниба, так как мы приятели. Мне было совершенно непонятно, как другие девчонки знакоми-

лись в клубах. Я любила танцевать и верила, что делаю это неплохо, но как танцевать и смотреть на кого-то? Как выбрать цель и соблазнять – это для меня оставалось наукой темной. Я танцевала, уставившись в пол, уходила в себя, смотрела я только на подруг, но они были заняты мальчиками, поэтому я возвращала взгляд в пол и танцевала в своем коконе.

В этот раз я решила потренироваться с просмотрами, поэтому периодически смотрела на Муниба и улыбалась. К тому же он танцевал, часто дурачась, и это было делать легко. Я улыбалась, и он улыбался в ответ.

Его кола закончилась, поэтому он снова ушел к бару. В это время рядом с нами оказался пьяный голландец, он попытался сначала обнять Олесю, а потом меня. Мы отпрыгнули обе так, что я наступила на чью-то ногу, и меня недовольно толкнули в спину.

Парень не собирался сдаваться и постарался приобнять теперь уже нас обеих, едва не разбрызгивая на нас пиво. Я взяла Олесю за руку, и мы перешли на другое место в клубе, пока шли, я искала глазами Муниба, но клуб был переполнен, оставалось только надеяться, что он нас найдет.

* * *

Муниб все не показывался, зато два других парня вдруг обратили на нас внимание и начали пританцовывать напротив. Один уже старался встать с Олесей в тандем, подстраи-

ваясь сзади и приготовившись положить свои руки ей на бедра. Что вообще в этот момент ожидали парни – что девушка, как кошка в течке,отреагирует на призыв?

Олеся смотрела на меня в ужасе. Другой парень пританцовывал напротив меня, но я не смотрела в его сторону и ровным счетом ничего не меняла в танце. Я увидела Муниба, он шел теперь уже с двумя стаканами колы.

Я помахала ему, а он, пританцовывая, вдруг вклинился в наш круг.

Я стала с ним танцевать, взяв у него стакан колы, Олеся тоже приблизилась, мы начали повторять его движения. Интересующиеся парни сразу пропали, хотя Муниб был намного ниже их ростом и менее мускулист.

– Спасибо тебе. – Я снова улыбалась ему в открытую, со мной такое бывало не часто, у меня возникло ощущение, что я танцую в баре с братом, правда, он не ругается на меня, что мы уже слишком долго здесь и пора домой.

– За что? – Муниб тоже улыбался, но не останавливал свой танец с нами, Олеся сместилась в сторону, так как опасность миновала.

– За колу, ну и что ты спас нас от этих, – мне уже не приходилось кричать, потому что Муниб был очень близко, я могла в деталях изучить его губы, но изучала я его глаза.

Если раньше они были такие внимательные, как будто все, что я могла бы сказать, было важным, то сейчас в них что-то поменялось: больше не было комфорта, появилась нелов-

кость. Я опустила свои глаза, глотнула колы, а потом снова подняла их и широко улыбнулась, чтобы найти опять те же заботливые глаза Муниба. Он еще приблизился, и его ступни почти начали касаться моих, но в тот момент, когда увидел мою улыбку, он шагнул назад, отвел глаза, а потом снова вернул и улыбнулся.

Олесе наш вечер не очень понравился. А мне что-то такое в нем было. Электрическое.

* * *

В субботу вечером Муниб пригласил меня в кафе.

Пойти с ним в кафе? Так все-таки что-то было там, в баре. Конечно было, я прекрасно это знаю, зачем еще было нас звать парочками куда-то?

Я не была готова к свиданию – взять и сократить все наши возможности, вечеринки и мою свободу до отношений один на один.

Да и с кем отношений – с арабом.

Меня волновало его происхождение, притягивало. Я вспоминала рассказы и арабские сказки. Будоражило мою фантазию и увиденное в сериале «Клон», когда я была совсем девочкой.

Но одно дело романтический сериал, а другое – реальная жизнь. Что мне можно ждать от этих отношений? Он навер-

няка захочет сделать меня мусульманкой, наверняка захочет ограничить мою свободу, а может, и просто хочет поиграть со мной, не относится серьезно.

К этому времени в мои социальные сети регулярно стукались египтяне, турки, марокканцы, которые хотели знакомства со славянкой. Они закидывали комплиментами, были обаятельны, но в итоге все сводилось к желанию виртуального секса.

Здесь было не так, я знала его по-настоящему, а не в Сети, и он не был тем лоснящимся человеком из «Фейсбука» – он был простым, смешным и даже близким.

– Олеся, нас Муниб в кафе зовет завтра после бассейна, ты не против? – кричу я ей через всю квартиру.

– Нас или тебя? – Олеся Муниба уже давно раскусила.

– Он написал уоу, так что можем читать «нас», – говорю я с энтузиазмом.

– Да ну ты брось, небось свиданку захотел устроить, а ты припрешься с подругой, вот дела! – кричит через полквартиры Олеся.

– Олесь, да чего бы он меня звал одну! Мы же друзья, тем более так хорошо сходили в четверг все вместе. Да и потом, что ты будешь делать одна после бассейна, он обещает какое-то секретное место показать, пошли! – я снова кричу, поворачиваю голову и вижу ее в проходе моей комнаты. В шерстяных носках, шортах с пчелками и футболке с ананасом.

– Ну пошли, Ксю, что с тебя взять, – смеется она, машет пальцем у виска и уходит.

* * *

«Привет! Все в силе?» – пишет мне Муниб за сорок минут до встречи, я вытираю голову после бассейна.

«Привет! Конечно, мы выезжаем через 20 минут», – отвечаю ему я, чтобы подготовился немного.

«Мы? Хорошо, жду у входа в магазин Van der Poel».

Мы красимся, сушим голову, я снова изучаю себя в зеркале, из-за бассейна и фена у меня покраснело лицо, и мне это не нравится. Я вообще чувствую себя очень смущенно, это мое первое свидание в Голландии, благо подруга есть, а иначе я вообще бы никуда не пошла, прикинулась бы утонувшей в бассейне.

После бассейна неудобно натягивать джинсы, они прилипают к телу, волосы не ложатся так, как хотелось бы, а по спине уже начинает стекать пот в душевой раздевалке.

Это ощущение мне знакомо: так из-за своей школьной подруги я ходила после бани по субботам в ночной клуб, где все курили. На мягкое, распухшее тело я натягивала нейлоновые колготки, красила глаза и губы, укладывала волосы, выбирала нарядное и часто неудобное платье, ехала на такси к подруге, оттуда мы ехали вместе в клуб.

В клубе я танцевала, смотря в пол, напрасно ждала, что

меня заметят, и напиткивалась со всех сторон табачным дымом. А потом в пять или шесть утра я ехала домой, абсолютно обессиленная и разочарованная, стягивала вонючие вещи, засовывала их в пакет или накрывала чем-нибудь, чтобы не пахли, и заваливалась в постель.

В воскресенье я просыпалась не с ощущением чистоты, как после бани, но с вонючими волосами. Жалела, что пропустила очередной завтрак воскресным утром, жалела, что вообще больше уже не маленькая и не могу понежиться после бани в кровати – ведь это самый сладкий сон на неделе.

И с этими руинами своего настроения спускалась к родителям, чтобы реабилитировать остаток дня, который в зимнее время уже начинал темнеть.

Я ездила в клуб, потому что подружке это было нужно. Я ездила, потому что не оставляла надежду в дымном клубе с глазами в пол.

Сейчас у меня снова создавалось впечатление, что я делаю не то, что хочу. Делаю это из страха пропустить возможности, а желанием моим, да и Олеся тоже, после бассейна был диван с сериалом и с супом на ужин.

* * *

Мы въезжаем на просторную пустую площадь – когда нет рынка, она сиротеет. Все вокруг становится слишком коричнево-кирпичным. Без запахов селедки и карамельных ва-

фель воздух стерилен. Лучше всего быть здесь в десять утра в субботу и вторник, тогда площадь, как пещера с сокровищами, предложит смесь медово-карамельных, соленых и молочных запахов.

Муниб стоит у стеклянных автоматических дверей на входе в большой четырехэтажный магазин.

Сегодня он только в одной, белой футболке – мне нравится на нем белый. Широкие серые штаны, как обычно, держатся на бедрах только за счет ремня, неужели никто не может сказать ему, что его размер как минимум на один меньше?

– Привет, Муниб!

– Привет, привет, девчонки! – Муниб улыбается. – Так вот это ты с кем.

Я делаю вид, что не замечаю его слов.

– Куда пойдем, в магазин? – Я смеюсь, конечно, но он необидчивый.

– Здесь на четвертом этаже классное кафе с выходом на террасу, пойдемте, – бросает Муниб и поворачивается к нам спиной.

Я чувствую его разочарование и негодование одновременно. Ну и пусть, не хотел сказать точнее, что это свидание, – сам виноват. Все равно мы сами за себя заплатим, да и вообще...

Мы молча, почти не переговариваясь, поднимаемся этаж за этажом по эскалатору – вот уж мучительное начало сви-

дания бы было, еще никакой атмосферы, но уже такая близость ступенек и разница в уровнях.

Наверху нас ждет фуд-корт – красивый, голландский, но фуд-корт. Берешь поднос и выбираешь себе еду и напитки.

Второй провал для свидания был бы обеспечен, хорошо, что я с Олесей.

– А где десерты? – спрашивает Олеся, мы пока на том уровне финансового развития, на котором только десерты и едят в кафе. В лучшем случае. К кофе.

– Вон там, поодаль, вы не голодны? – с облегчением спрашивает Муниб.

– Ого, какие они тут классные! – Олеся восторженно вскрикивает, я ловлю благодарную улыбку Муниба.

– Да, замечательные какие, правда, красота! – добавляю я, но Муниб не улыбается на мое замечание.

– Выбирайте, девчонки, я вас на кассе подожду, – бросает он и уходит.

Мы выбираем красивые пирожные со взбитым кремом и ягодами, заказываем кофе, ставим все это на подносы и идем к кассе, уже на кассе я шепчу Олесе:

– Олеся, мы же сами заплатим ведь?

– Конечно, конечно, – заверяет меня Олеся.

– Я угощаю, я же вас пригласил, – вдруг откуда-то из-за спины говорит Муниб. Я его не заметила, а он уже подошел.

– Нет, нет, что ты, мы сами можем, – говорю я.

– Я пригласил, я и плачу, Ксюша, – твердо повторяет он.

– Нет, слушай... – начинаю я.

– Посчитайте два подноса вместе, – говорит Муниб продавщице.

– Но... – снова начинаю я.

– С вас двадцать один евро, карточкой или наличными? – безучастна к нашему спору продавщица.

– Я скатываю десятиевровую купюру в трубочку и пытаюсь просунуть в кулак Мунибу.

– Перестань, Ксюша, – строго говорит мне Муниб, – я оби- жусь.

Я останавливаюсь, ведь я и так уже его обидела.

Энсхеде, март, 2011

На одной из вечеринок, на которых я снова не нашла внимания Инна, мы договорились с Фабрицио и Мунибом устроить международный обед.

Фабрицио обещал нам показать, как готовить настоящее тирамису, а Муниб собирался принести что-то секретное.

Вчера мы сварили борщ, чтобы он был настоящим, а сразу после борща к нам приехал хитрый Фабрицио, потому что тирамису, как и борщ, нужно есть вчерашний.

Наша кухня была узкой – только для готовки, а потому мы постоянно касались локтями друг друга, Фабрицио нас подталкивал за талию, особенно Олеся.

Мы танцевали на нашей маленькой кухоньке, подглядывая за маэстро и записывая ингредиенты настоящего итальянского тирамису. Фабрицио занимался тирамису так, как будто это был новорожденный. Аккуратно подготавливал место для каждого этапа, вытирал все поверхности очень тщательно.

– Ну, доставайте миксер, девчонки, – сказал он торжественно, – будем взбивать яйца и маскарпоне.

– Вот, – протянула Олеся блендер.

– Что? Вы серьезно? Это же блендер! – Вся галантность Фабрицио куда-то пропала, он переводил взгляд с одной на другую. – Вы что, серьезно не смогли отличить миксер

от блендера? – Для его большей итальянности не хватало только две руки поднять вверх и закричать «Мамма мия!».

– Эм-м, слушайте, я вообще никогда не пользовалась ни одним, ни другим, увольте, – ретировалась я.

Я не хвасталась своими кулинарными возможностями, борщ вот первый раз готовила, вися на телефоне с мамой, чтобы точно все не испортить.

– Олеся, – в отчаянии прошептал Фабрицио, – о боже. – Фабрицио продолжал надеяться, но Олеся так и застыла с блендером в руке, он сдался: – Венчик у вас хотя бы есть?

– Венчик, венчик... – Олеся повторяла незнакомое слово на английском, сдвинув брови. – А, штука для взбивания? Есть вроде! – И она бросилась с пылающими щеками выдвигать и задвигать ящики. Именно она давеча подтвердила Фабрицио, что миксер у нас в квартире есть.

После моей ретировки я решила, что в ближайшее время я не готова изучить разницу между миксером и блендером, а тирамису мне предстоит готовить еще не скоро, поэтому я держалась подальше к выходу, чтобы не отвечать на каверзные вопросы Фабрицио.

Олесиные щеки немного потеряли в своей розовости, она старалась не отрывать глаз от рук Фабрицио.

– Ну все, последний штрих, девчонки! – Фабрицио нежнее, чем гладил бы руку девушки, водил по краю формы с тирамису слегка увлажненной салфеткой, убирая следы какао. Сверху форму он закрыл пленкой, благо она у нас была.

– Ну я пошел, а вы смотрите у меня, не съешьте завтра до обеда тирамису! – наказывал Фабрицио и продолжал что-то бормотать про кощунственную путаницу миксера с блендером.

На следующий день ровно в 13:00 позвонили. Я взяла трубку домофона.

– Алло! – У меня никогда не было дома домофона, я не знала, как стоило отвечать на звонки в него.

– Привет! Как дила? – такой знакомый и приветливый голос произносит все на русском языке.

– Привет, привет! – кричу я. – У меня все хорошо, как твой?

– Э-э-э-э, Ксюша, дашь нам зайти? – смущенно спрашивает все тот же голос, но уже на английском. Ах да, он же не понимает на русском. Это Муниб.

Муниб зашел в комнату с кастрюлей с перезревший арбуз. Он принес нам кускус с мясом и травами.

Мы накрыли на стол заранее, до их прихода, а потом вместо светских бесед усадили их сразу и побежали наполнять гостей борщом.

– Девчонки, давайте мы вам поможем, – встал снова Муниб.

– Сидите, вы же гости, – посадила я его снова, еще не хватало ошпарить его борщом, как меня когда-то бабушка лапшой, потому что я бежала, когда накрывали на стол.

В квартире пахло домом: супом, выпечкой, гостями, нагретой на солнце пылью.

Обед был вкусным, еды было много, но основная сытость была душевная – у нас появились два надежных друга в Энсхеде, мы больше не были одиноки. Энсхеде нас принял окончательно, Муниб больше не звал на свидания. Я была довольна, как никогда.

* * *

Дружба с Фабрицио и Мунибом делает нас частью большой компании. Нет уже ни одного выходного дня, когда бы мы не встречались с ними, не устраивали бы пикник в парке с сидением на траве и игрой на гитаре, не ездили бы в ночные клубы по пустым улочкам Энсхеде. Меня больше не смущают странные незнакомцы, не преследуют и не увозят на непонятные улицы. Мы чувствуем себя безопасно в компании друзей.

Ко мне должен приехать брат, мой лучший друг и партнер по шалостям, и я предвкушаю его знакомство с моими лучшими друзьями моего нового мира.

Для брата мы покупаем велосипед у нашей знакомой – спортивный, почти новый, он стоит дороже наших, но мы уверены, что его будет нетрудно продать после отъезда брата.

На вокзал мы едем вдвоем: Олеся, я и велосипед, который я держу за стержень руля, так он не юлит, следует за мной.

Я бы и представить себе не могла, что так спокойно буду ехать по велодорожке с одной рукой и вторым велосипедом в придачу, но теперь уже не страшно, я почти уже здешняя.

Сегодня по плану накормить брата местной селедкой с ладонь королевы, которую желательно заглотить полностью за раз, значит, и горло у настоящего голландца должно быть не меньше ладони. А потом поедем знакомить брата с друзьями на любительском футбольном матче. В котором играет Муниб.

Я с особенным трепетом жду знакомства моего брата с Мунибом.

В семье про него уже слышали, потому что я созваниваюсь с родителями почти каждый день и рассказываю про все, что приключилось с нами за день. Родители абсолютно спокойно относятся к рассказу о моем арабском друге, чему я очень радуюсь. Они слушают меня внимательно, им интересно путешествовать виртуально со мной.

– Привет! Я Муниб, как добрался? – Он в спортивной форме, снова больше, чем ему нужно, дарит свою очаровательную улыбку брату и пожимает руку.

– Привет! Витя, все хорошо, спасибо, – говорит мой брат скованно.

– Ксюша много о тебе рассказывала и очень ждала приезда, – пытается поддержать беседу Муниб.

– Да? Классно, я рад, что приехал. – Витя смотрит по сторонам. – Как игра? – Он смущается, потому что Муниб очень

хорошо говорит по-английски, а у брата недостаточно практики.

Мы приехали немного опоздав, пропустили пол первого тайма. Но успели заметить, что игра для наших друзей не задалась. На противоположной стороне от нас стоят Светы с плакатами. Ах да, мы с ними не разговариваем. Они устроили нам бойкот – наверное, потому, что мы вклинились слишком быстро в компанию мальчишек, в которой они планировали оставаться единственными королевами.

– Игра не очень, но мы не отчаиваемся, – смеется Муниб.

– Привет, я Себастьян, а ты брат Ксюши? – к нам подходит еще один наш знакомый – француз.

Сначала я положила на него глаз, но потом поняла, что, во-первых, его глаз лежит на Олесе, а во-вторых, можно так сказать, отливает лиловым, короче, странноватый он парень со своими большими французскими тараканами.

– Привет! А ты же из Франции, да? Бонжур, са ва? – вдохновляется мой брат, на французском он чувствует себя увереннее, чем на английском.

Муниб еще немного смотрит на моего брата, потом поворачивается ко мне и, заметив, что я немного огорчена, подмигивает:

– Ладно, Ксюша, пошел играть, до скорого!

– Удачи! Мы за вас болеем! – с благодарностью говорю ему я.

Первое знакомство брата с Мунибом почему-то оставляет горечь. Ведь брат должен был заметить, какой Муниб добрый и хороший, ведь они должны были друг другу понравиться и сразу заболтаться. Или это только мне так интересно с ним болтать?

А впереди у нас звездные планы: Роттердам, Гаага, Амстердам и... Париж.

Париж!

В Париж мы прибываем в четыре утра, помятые ночным автобусом из Амстердама. Париж того стоит. Париж нас ждет. А еще в Париже нас ждет Ноэль.

Париж, март, 2011

После полугодовой переписки мы снова увидимся.

Ночь в автобусе знатно поработала над нашим лицом, но не духом. В туалете на автостанции мы переодеваемся в шорты и рубашки – на мне красная, на Олесе – белая. У меня балетки с небольшим бантом, новые. Настолько новые, что я почти сразу переобуваюсь в шлепанцы, и никакая мода уже не заставит меня снова надеть балетки. Мизинцы на грани крови.

Я влюбилась в Париж заочно, а теперь не могу выплеснуть и половину своих чувств, находясь в пять утра на острове Сите, у пустого Нотр-Дама.

Мы весь прошлый день гуляли по Амстердаму, всю ночь провели в автобусе, но усталость не имеет контроля над эйфорией.

Я кричу, прыгаю, обнимаюсь с Олесей и повторяю:

– Представляешь, тот самый Нотр-Дам!

– Представляешь, Квазимодо, вот здесь!

– А здесь Эсмеральда!

– А вот здесь же, здесь же точно ее мать-старуха!

До открытия Нотр-Дама еще несколько минут, и мы усаживаемся в красивое кафе, на террасу со столиками, сделанными как будто для кукольных людей. Заказываем по круассану и кофе. Круассан мы едим, шумно растягивая на всякие

манеры «м-м-м» и сфотографировав со всех сторон. Мы бы затерялись здесь в таком занятии позже, но в шесть утра, наверное, раздражаем маленьких мужчин с газетами, рассыпанных по углам и сидящих по одному.

Мы изучаем Нотр-Дам изнутри, снаружи, со всех сторон, с одного моста, а потом с другого. Мы садимся на поручни мостиков, мы прыгаем с Олесей, держась за руки для фотографий.

В шоке мы замираем, услышав русскую речь и проследив за ее источником – священником в окружении монахинь в белом.

Витя ведет нас к Сан-Мишелю, показывает Сорбонну, и там мы снова застреваем с Олесей. Он смеется над нами, а мы готовы бесконечно фотографироваться, трогать руками камни, можем даже лизнуть. Это невероятно – смотреть и заглядывать в окна Сорбонны. Разве я могла такое представить еще несколько месяцев назад, в скучном сером общежитии?

Я сажусь на ступеньки одной из дверей и глажу камень – он теплый и скользкий. Уже теплый, а ведь еще только восемь утра! «Теплый от знаний», – мелькает у меня, и мы идем дальше.

Пантеон – великие и мертвые.

Лувр – экскуземуа, король!

Тюильри – здесь брат не выдерживает и засыпает на железном стуле. Мы смеемся над ним. А потом нас будят папарацци, выбрав наш угол для съемки кого-то в окнах.

Гран-Пале – мы хватаем дорожные конусы и фотографируемся с ними на головах.

Мост Александра III – обнять спину титана обязательно для фото туристов.

Дом инвалидов – еще одна остановка на зеленой траве, чтобы дать отдохнуть ногам, пусть и в шлепках.

И Эйфелева башня – мы садимся на другой стороне, на каменных перилах, обнимаем коленки и смотрим на нее, брат фотографирует симметричные позы на фоне покорившей сердце.

Эмоций чересчур, и мы начинаем поскуливать, как переигравшие щенки.

– Все, едем в Сите-Университе, к Ноэлю, он уже должен был закончить с учебой, – командует брат, и мы радостно прыгаем с постамента. Настало время встречи с еще одной достопримечательностью Парижа.

* * *

Ноэль не изменился внешне, но он у себя дома, и я чувствую это. Его дом Париж, он – француз, а я влюблена во все французское.

– Привет, сколько лет, сколько зим! – встречает нас на русском Ноэль и поочередно обнимает меня и брата.

– Привет, мы так рады! Париж – это просто сказка какая-то, такого мы даже и ожидать не могли, – спешу поде-

литься я на своем новом и окрепшем английском.

– Ух ты, ты так хорошо говоришь на английском, – замечает Ноэль.

– Практика помогает, – улыбаюсь я, но потом перехожу на русский, чтобы всем было комфортно.

Кампус Сите Университе поражает нас не меньше дневных достопримечательностей. Так я представляла себе настоящий студенческий кампус – наполненным жизнью. Вокруг нас красивые молодые студенты: они лежат на изумрудной и идеально подстриженной траве, бегут по дорожкам парка, играют в футбол, пьют пиво или усердно занимаются.

Хочется присоединиться к любому из них. Путь бегунов выстраивается между двух-трехэтажными кирпичными домиками, в которых до сих пор деревянные ставни и скрипучие лестницы, по которым когда-то поднималась к себе чета Кюри. Романтика этого места и этой жизни окутывает меня и распространяет свои сети на глаза, уши и сердце.

Меня тянет к Ноэлю, к его городу, его языку и его культуре.

Ночь с поскрипывающими половицами в одном из старых особняков помогает погрузиться в парижскую негу еще глубже.

Следующий день мы начинаем с Эйфелевой башни. С ее вершины.

Даже пространственно я все время рядом с Ноэлем – мы рядом на всех фотографиях, постоянно разговариваем. Будто и не существует Голландии, всех моих увлечений, моих разговоров с Мунибом.

Мы стоим на самой верхней точке башни и фотографируем наши руки – четыре руки: моя, Олеси, брата и Ноэля.

Через минуту мне приходит сообщение от Муниба:

«Привет, ну как там Париж? Я соскучился».

Я замираю с телефоном на этой воткнутой в небо башне, Муниб первый раз написал о своих чувствах ко мне. Соскучился? Я ощупываю слово языком.

Он что, почувствовал что-то?

Ноэль подходит ближе и показывает мне Монмартр, его направление, я немного щурюсь, ведь очки пока я ношу только на учебе. Ноэль встает очень близко, я решаю отправить ответ Мунибу позже.

* * *

Вечером, вернувшись в кампус, мы устраиваем пикник на траве с сыром и эльзасским рислингом. Устав, я откидываюсь на траву – посмотреть на звезды. Ноэль ложится рядом. Вино насыщенно вкусное, небо завораживающее, а наши головы с Ноэлем очень близко друг к другу. Условия

идеальны для поцелуя. Я чувствую его тепло и завидую девочке из России, которая присоединилась к нашему пикнику: она живет во Франции уже второй год, а впереди еще два года бакалавриата. Ей можно сколько угодно терять время, но не мне. Мне нужно получать все, что только можно, до возвращения в Россию.

Ноэль смотрит на меня, я вижу каждую веснушку на его длинном носу, которым он только недавно так грациозно нюхал свой рислинг.

Наши руки едва касаются пальцами. Неподалеку слышится шептание брата и Олеси, они сидят, а не лежат.

Моего лица совсем не видно в тени брата, а лицо Ноэля освещается фонарями.

Я снова смотрю на небо и чувствую, как палец Ноэля едва подрагивает.

– Ну что, пойдете спать? – вдруг возвращает нас так некстати брат к реальности.

Я поворачиваю снова лицо к Ноэлю, он делает легкое движение в мою сторону, а потом вдруг резко встает и протягивает мне руку.

– Я буду спать здесь, – смеюсь я и не хочу давать руку.

– Ты замерзнешь, – говорит Ноэль и вдруг затягивает «Ой, мороз, мороз».

Я смеюсь еще громче, но мне жаль, что он не решился меня поцеловать. Его рука очень горячая, он поднимает меня, упираясь двумя ногами крепко в землю, и делает вид, что

это очень тяжело.

Я снова смеюсь, поднимаюсь, он совсем близко, но я тут же ухожу.

Мы идем вверх по лестнице Мари Кюри, скрипя половицами.

* * *

– Смотри, кто-то под дверь положил шоколадные яйца! – радостно кричит мне Олеся, она уже готова, а я все еще нежусь в кровати. Деревянный пол, три кровати неподалеку друг от друга, деревянный потолок, маленькое круглое чердачное окно. Я бы променяла все на свете, чтобы жить в таком общежитии, поскрипывающем историей.

– Сегодня же Пасха, – вдруг осеняет меня, ведь именно поэтому у нас длинные выходные для визита в Париж.

– Счастливой Пасхи, – говорит из коридора Ноэль. – К вам тоже приходил пасхальный банни?

«Это он принес шоколадные яйца?» – догадываюсь я, и мне хочется прямо в ночнушке, не умывшись, обнять Ноэля. Он даже подумал заранее и приготовил нам сюрприз.

– А мы ничего не приготовили, – сокрушается Олеся.

– Ничего, я потом поеду домой, там будет полно шоколада, все сразу еще и не съесть, – замечает Ноэль ласково. – Завтрак накрыт в моей комнате, спускайтесь, как будете готовы.

Ноэль уходит, а я вдруг понимаю, что вместо того, чтобы быть сейчас с семьей дома, он принимает гостей в Париже.

Пасхальный день мы проводим в Версале. Романтика Парижа там меня отпускает, и я ловко уворачиваюсь от неловкого объятия Ноэля. Я готова возвращаться в Нидерланды и понимаю, что наша следующая встреча с Ноэлем произойдет очень нескоро.

А еще шанс упущен, впереди отъезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.